

Ненавистная пара

Автор:

Галина Чередий

Ненавистная пара

Галина Валентиновна Чередий

Он надругался над ее любовью и пробудил в ней тьму, потому что так велел его долг. Она отомстила ему за растоптанные надежды и магическое рабство даже более жестоко, чем мечтала. Смогут ли непримиримые противники найти путь к взаимопониманию, ведь судьба-злодейка сделала Летэ истинной парой Лордара? Что важнее: месть или способность простить? Для создания обложки фото приобретено на сайте shutterstock. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Опустив глаза, я с вялым интересом наблюдал, как идеально ухоженная узкая ладонь шлюхи оглаживала ткань рубашки на моей груди, поддразнивая и постепенно спускаясь все ниже. Типа это должно раздражить меня и подтолкнуть проявить больше энтузиазма? Не работает, птичка, очень давно меня не завести всякими там поглаживаниями и физическими намеками, предпочитаю или сразу заниматься делом, или не тискаться попусту.

Схватив руку девицы, направил ее к моему паху и беспардонно прижал к начавшему твердеть члену. К демонам всякую возню вокруг да около – мне нужна разрядка, а не приятная компания на вечер.

– Просто встань на колени и отсоси, – буркнул ей, заметив, как сидящий напротив Гаррет цинично ухмыльнулся. Он-то знает, что я и так проявил сейчас долготерпение.

– Прямо здесь? – Проститутка даже отшатнулась, с намеком обведя глазами зал забегаловки, битком набитый народом в столь поздний час.

– А в чем проблема, ты же тут для этого. Разве нет? – Я впервые удостоил ее прямого взгляда с того момента, как она ко мне под села и приступила к соблазнению. Соблазнение. Ненавижу даже само звучание этого поганого слова.

Девчонка явно была из новеньких: личико еще не совсем истасканное, да и сам факт удивления говорил об этом. Опытные местные дамы прекрасно знали и мои привычки, и щедрость, так что в дискуссии не вступали, а сразу открывали рот пошире.

– Может, все-таки поднимемся наверх? В комнаты? – заблеяла дурочка.

– Если я сейчас встану, то не пройду и двух шагов, прежде чем найду кого-то, кто мне прямо там и отсосет, – безразлично дернул я плечом, – но я терпеть не могу стоять в процессе, так что или на колени, или отвали, не занимай место той, кто готов меня обслужить.

Шмыгнув пару раз носом, девка сползла-таки под стол, и Гаррет заржал, сделав знак «я следующий».

Тонкие пальцы не слишком уверенно взялись возиться с моей ширинкой, а я приложился к своей выпивке, не собираясь ей хоть чем-то помогать. Похоже, я и так прогадал, разрешив ей доступ к своему члену. Если она работает ртом так же неуклюже, как расстегивает штаны, ждет меня разочарование.

Неумеха почти освободила меня, когда голоса в зале внезапно начали стихать, и это заставило моментально напрячься и обратить взгляд к входу. И не напрасно. Я узнал ее сразу, по-другому и быть-то не могло, пусть в прокуренном и полутемном помещении смог разглядеть пока лишь ее силуэт. У меня встал, молниеносно, до окаменения, за один удар замолотившего сердца, да так мощно, что яйца заломило и в животе потянуло, тяжело, чуть не до судороги.

Сука!

Девка под столом ойкнула, когда член выскочил и тяжело шлепнул ее по губам и носу, сразу сочась влагой. Но, проклятье, не для нее. А для той, что никогда к нему больше не прикоснется. Не в этой жизни точно.

Стерва.

Заметив меня, визитерка пошла по проходу между столами, сопровождаемая взглядами всех присутствующих, в которых горели любопытство, страх и вожделение. И за последнее мой зверь дико желал вырвать им всем их наглые зенки... перегрызть горло... оторвать сраные вставшие причиндалы и запихнуть в глотки... Будто мне не наплевать!

Шлюха попыталась обхватить губами головку, которая сейчас стала настолько чувствительной, что я мог бы кончить от одного касания. Но не ее касания. Другой, что с легкостью дарила ласку любому, кто не был мной. И никогда мне.

Шалава!

Стиснув волосы проститутки в кулак, я оттянул ту от своего паха и оттолкнул, не грубо, но однозначно, приводя штаны в порядок.

– Убирайся! – велел девчонке, сунув в корсаж монет больше, чем она могла бы заработать своими сомнительными навыками минетчицы за месяц. Но я никогда не обижаю представительниц древнейшей профессии, хотя бы потому, что это единственные женщины, с которыми я имею и всегда предпочитал иметь дело. За небольшим исключением, провались оно.

Злость ревела: «Слабак, сделай это прямо у нее на глазах! Она ведь так поступала с тобой».

Почти так. Но проклятую бабу не обмануть. Она точно будет знать, что я кончил в три секунды не от великого мастерства девки, а просто потому что смотрю на нее. Хуже только сесть обосратся в лесу под кустом, да в свое же дерьмо потом жопой и упасть. Хотя нет, не хуже. Тогда нужно всего лишь отмыться и избавиться от вони.

Ненавижу!

«Взаимно», – ответил взгляд прозрачно-голубых глаз пришелицы, что как раз остановилась напротив.

– Я могла бы погулять тут немного и дать тебе закончить, да времени лишнего не имею. – Мой зверь позорно выгнулся навстречу ее хриловатому голосу, словно тот был адресованной именно ему лаской, а не просто следствием того, что наверняка прошлой ночью она орала драной кошкой, кончая под очередным любовником.

Дрянь!

– Лучше бы ты вообще свалила на хер, как только поняла, что мы по досадному недоразумению оказались в одном помещении, – ответил, нарочито нагло проходясь похотливо-презрительным взглядом по каждому из ее изгибов, коих совершенно не скрывала эта клятая форма. Как жаль, что того, кто решил, что одевать так женщину на службе – это уместно и практично, не отметить, просто потому что он уже давно в мире ином. Надеюсь, его там жарят бесы во все естественные отверстия за то, что каждый желающий имеет возможность облизывать глазами линии этого тела.

– Единственным недоразумением и случайностью в моей жизни был ты, да и то всего разок, а здесь я нарочно и исключительно по делу, – без малейшей эмоции ответила она. Не лицо, а просто великолепная, но дико холодная, бесчувственная маска. А я ведь помню это лицо способным сиять невинной радостью, открытым восхищением и безмерным доверием, пылать истинной, прежде не испытанной страстью, а не этой маской безразличия и цинизма.

– У тебя ко мне дело? Ну так давай, забирайся скорее на освободившееся место под столом, потому как никаких иных дел у нас быть не может! – Предатель в моих штанах дернулся и напрягся еще больше, едва не заставляя заскрежетать зубами от болезненного узла, скрутившего яйца – ему было плевать, насколько невероятно то, что он и правда получит шанс на подобное внимание. Только не от нее.

Гаррет фыркнул в свой эль и заржал громко и глумливо, но она даже не взглянула на него, а вот мне аж приспичило двинуть кулаком ему в подбородок.

– Пошел вон отсюда, – ровным тоном велела она моему первому бейлифу, и тот ощерился, собираясь возразить.

Зараза конченная, но и при этом же и проклятая королева, отдающая приказы всем небрежно, будто ей и в голову не приходит, что кто-то рискнет не подчиниться.

– Пошел вон, – подтвердил я распоряжение. – Разве не видишь, что сама Зрящая тьму соизволила послать тебя.

Гаррет насмешливо скривился, почтительно кивнул мне, четко давая понять, чье указание выполняет, встал, шутовски поклонился в пояс моей визитерке и пошел прочь.

– Ну что же, присаживайся, гостя нежеланная, – небрежно махнул я рукой на освободившееся место. – Поведай, чего ты сюда приперлась, а потом, разворачивайся и вали куда подальше, зачем бы ни пришла!

Мой зверь без обиняков поставил меня в известность, что он думает о моих словах, скрутив мне узлом кишки, когда она резко вдохнула, вскинула подбородок, и на мгновение показалось, готова была действительно развернуться и уйти. Этот предательский ублюдок всегда на ее стороне.

Молчи, тупая скотина, думающая исключительно членом и примитивными инстинктами, которым плевать на то, что она сделала, важно лишь то, кто она и что находится здесь, так близко. И вообще, раньше где были твои сраные инстинкты и чутье?!

Зрящая не ушла, а все же села на стул напротив. Хотя даже не села, как-то неловко опустилась, позволив себе краткую болезненную гримасу, и я испытал новую волну ненависти к собственной природной сути, потому что это засвербило внутри тревогой.

– Мне нужно убежище на некоторое время, а потом содействие твое и всей твоей боевой мощи, – ответила она так просто, будто делала заказ подавальщику в кабаке.

При всем желании не выдать ей и крох своих эмоций сдержаться я не смог. Расхохотался, качая головой и продолжая при этом сжигать ее насмерть взглядом, но то, что видел перед собой, лишало даже этого злого и неискреннего подобия веселья. Видок у Зрящей был тот еще. Одежда вся забрызгана дорожной грязью, проклятая идеальная кожа цвета сладких сливок посерела не только от пыли, но явно и от усталости и нездоровья, под ненавистными глазами – искристыми кусками голубого льда, пронизанного рассветным лучом солнца, – темные круги, скулы обострились – хоть режься, всегда туго заплетенная толстенная коса растрепалась, позволяя разглядеть проблески прежнего огненно-рыжего сквозь нынешнюю черноту. Правое плечо держит ниже левого, пусть и старательно пытается это скрыть, рука с той же стороны висит плетью, хоть сразу в глаза и не бросается из-за напускной уверенной осанки.

– Зрящей нужно убежище? – продолжая изображать презрительное веселье, спросил я, подавшись вперед. Для вида – чтобы надавить на нее энергетикой своего глумливого торжества, а на деле – изучить поближе, не почудилось ли мне ее плачевное состояние. – Нет, даже не так. ТЕБЕ нужно убежище на МОЕЙ территории?

Брехня, какая же брехня обе причины. На самом деле я сократил расстояние между нами, потому что именно этого и жаждал. Чуть больше ее запаха, даже сквозь всю эту вонь вокруг, сквозь аромат ее пота и явно немытого несколько дней в пути тела. Так даже лучше, острее. Как разом упиться забористым дешевым, но реально убивающим самогоном, вместо того чтобы цедить жутко дорогую ягодную элитную кислятину и так и не достичь состояния блаженной бессознательности, а только заработать изжогу.

– Да, – не дрогнув, уронила она кратко, – здесь меня никто искать не станет.

Ну еще бы. Кто знал нашу историю, тот ни за что бы не поверил, что она способна явиться за помощью ко мне. К кому угодно. Но не ко мне.

– Что ты затеяла? Зачем тебе вдруг понадобились мои люди, если к твоим услугам вся мощь стражей? Или ты всех их уже перетрахала и на свежатинку потянуло?

Говорить ей такое – все равно что втыкать себе в живот кинжал и проворачивать. Или в грудь, где и сейчас еще саднит подаренная ею отметина. Пусть мною и заслуженная.

На ее лице не дрогнул ни единый мускул, глаз она не отвела, ни капли румянца не проступило на скулах. Она никогда не испытывала стыда за то, какой была. За то, что совершила.

Убийца. Впрочем, как и я. В чем разница? Я всегда делал это по долгу или из необходимости. Она же, как минимум однажды, из мести. Просто потому что могла и хотела.

– Ты тратишь попусту и свое, и мое время, вожак. Мне от тебя нужно лишь «да» или «нет».

– С чего мне вообще удостаивать тебя ответом, пока я и понятия не имею, во что ты пытаешься меня втянуть? – Идиот проклятый, единственный ответ для нее – «нет», и никаких вариантов, обсуждений – ничего!

– Лишь получив согласие или отказ, я могу решить, стоит ли говорить с тобой дальше, – поднимаясь, она снова едва уловимо болезненно дернула щекой. – Я приду сюда завтра в этот же час, раз уж ты утратил за время сытой и спокойной гражданской жизни способность принимать быстрые решения, коей так был знаменит в бытность славной службы в Страже.

– Этой «спокойной» жизнью как раз ты постаралась меня вознаградить за ту самую славную службу, – огрызнулся я и испытал желание себе же и врезать. Это было жалко.

– Что же, а теперь я предлагаю тебе не просто вернуться, но и возвыситься, – бросила она через плечо и пошла прочь.

И опять я бесился из-за каждого пожирающего ее бесову великолепную задницу взгляда, которой она, могу поспорить, нарочно покачивала так, чтобы встал у каждого, у кого еще поднимается. И это при том, что ей наверняка даже просто идти тяжело.

Дрянь! Мерзавка! Сука! Убийца и шалава!

Моя единственная истинная пара.

Глава 2

Десять лет назад

– Дура! Провались ты в самую темную бездну, вот так нас подставить! – орал в бешенстве патрон Стражи, сотрясая в своем захвате мертвое тело хрупкой женщины. – А я ведь чуял, шкурой своей чувствовал, что ты, проклятая баба, задумала что-то поганое!

– Акдор, нет смысла... – попытался вмешаться я, никогда прежде не видевший своего командира в подобном состоянии.

– Стерва! За что же ты так с нами? Со мной? – не реагируя на меня, продолжил реветь он, и я невольно скривился при виде ужасной раны на горле нашей уже бывшей Зрящей. – Неужели не было другого выхода, Тече? Ты проклятая трусливая сука, раз выбрала такой исход и не стала даже пытаться!

Буквально отшвырнув тело от себя, патрон вскочил на ноги и с остервенением стал пинать трупы пяти одержимых, но только для того, чтобы спустя минуту снова вернуться к телу Тече, рухнуть на колени так, будто их кто-то подрубил, и, схватив ее на руки, начать раскачиваться, рыча как безумный.

И да, я тоже был зол на гадкую бабу за эту подставу, но не так, как он, и на самом деле отдавал себе отчет, что уже некоторое время ждал такого исхода. Зрящие – недолговечные существа, за время моей службы Тече была уже третьей. Десять-одиннадцать лет – и все, их срок годности выходил. Накладывали на себя руки, поддавались тьме или же вот так, как эта Зрящая, просто бросались в гущу схватки, где им было не место, и погибали.

То, что Тече подошла к своему пределу, мне стало очевидно, когда она выперла из своей постели патрона Акдора, который был ее любовником почти со времени начала ее службы в Страже, и ударилась во все тяжкие, каждую ночь таская к себе нового молодого стражника, а то и не одного. Думаю, и Акдору все было ясно, вот только ничего уже было не сделать – сорвавшуюся со скалы не остановить в полете.

У Зрящих не было выбора в начале их пути, не появлялось шансов на свободу и потом. Старейшины Стражи ни за что бы не отпустили ни одну из тех, что еще могла работать, но даже если бы и да, то куда любой из них идти? Их жизнь начинается с Пробуждения тьмы и в ней же в итоге и погрязает. Нельзя взять и перестать ВИДЕТЬ в их случае, а зрея тьму, они и сами для ее посланцев как на ладони. Без поддержки Стражи эти женщины – просто заведомые скорые жертвы, что должны будут сторожиться всех и каждого и никогда не смогут расслабиться, создать семью, родить детей, не опасаясь, что не только им самим отомстят за противодействие тьме, но и их близких уничтожат вместе с ними.

Открытая повозка для трупов прибыла, и мы небрежно побросали в нее одержимых, но тело Тече патрон взял на руки и забрался с ним в седло своего жеребца. И то верно, не везти же ее вместе с этими тварями. Пусть и решила нас бросить в самый неподходящий момент, но она наш боевой товарищ. Впрочем, разве пока существуют одержимые, момент вообще может быть удачным для того, чтобы взять и уволиться со службы столь радикальным образом.

– Куда вы смотрели, псы безмозглые? – надрывался на нас, выстроенных шеренгой, старейшина уже час спустя по прибытии в казарму Стражи. – У вас не было права оставлять Зрящую без защиты и на мгновение! Вы хоть представляете, сколько сил и времени уходит на отслеживание этих долбанных девок с самого рождения, инициацию, обучение и отбраковку?! Только одна из десяти способна работать на нас как необходимо! И вот сейчас вы мне привезли труп одной из лучших! И это тогда, когда у нас нечем ее заменить сейчас. Вообще нечем!

Никто из нас не стал спорить с ним или пытаться оправдываться. Уверен, старый хрен и сам прекрасно знал, что Тече уже вся вышла, но надо же на кого-то излить гнев и досаду, а мы с толстой шкурой – нам его вопли что в лоб, что по лбу. Я смотрел в стену позади него и развлекал себя размышлениями о том, как могло выйти, что Зрящая прохлопала появление уже настолько долго живущих одержимых практически у нас под носом, в столице. Она их нарочно

игнорировала почему-то? Стала терять и чутье вместе с разумом? Или одержимые нашли какой-то новый способ маскироваться от обнаружения их Зрящими?

– В общем, так: сегодня еще отдыхаете, а завтра изучаете сведения о подходящей по возрасту претендентке, и чтобы через две недели доставили мне новую инициированную Зрящую, – охрипнув от воплей, старейшина перешел на нормальный тон.

– Я в этом не участвую, – глухим, пустым голосом отозвался наш патрон. – Ухожу в отставку. Прямо с этого момента.

– Да вы все с ума тут посходили, что ли? – взвился снова маг. – Зрящая да еще и патрон Стражи следом? Вы нас нарочно тьме сдать с потрохами решили?!

– Мне плевать, – безразлично бросил Акдор и без позволения покинул строй, направившись вместо казармы в сторону жилища Тече. Бывшего ее жилища. Вскоре место там займет следующая избранная и обреченная.

Старейшина покраснел сначала и даже вскинул руку, будто собираясь поразить взбунтовавшегося патрона магическим ударом в спину, но мы все, не сговариваясь, сдвинули ряды и дали услышать волшебнику тихое, но однозначно угрожающее рычание. Тронуть одного из нас никому не пройдет даром. Пусть мы им и подчиняемся, но все же не стоит этим умникам в их уродливых балахонах забывать, кто же тут реальная боевая сила. Стражи все могли быть из разных мест, но пока мы на службе, мы единая стая, где за своего порвут глотку, невзирая на положение и сопутствующие жертвы.

– Лордар! – окликнул меня маг, опуская руку как ни в чем не бывало. – Принимай пост патрона Стражи. На тебе же и обязанность раздобыть вам новую Зрящую. И как можно скорее.

Старейшина стремительно ушел, а мой брат радостно хлопнул меня по плечу.

– Поздравляю с повышением, братишка! – с широкой ухмылкой сказал он. – Хреново, конечно, что Тече померла, но и положительные стороны есть! Выберем себе новую Зрящую, желательно посмазливее и не такую стервозную, как была прошлая.

– Придурок ты, Реос, – буркнул я, сухо кивая на остальные поздравления. – Будто хоть у нас, хоть у этих девок и правда выбор есть. Возьмем ту, что поближе и повзрослее.

Сразу Зрящими, естественно, никто не рождался. На самом деле, для их создания брали своего рода полукровок, детей, зачатых насильственным путем уже очень давно одержимым, практически полностью поглощенным порождением тьмы мужчиной и девственницей. Причем, именно прохождение через боль и насилие вроде как и было необходимым атрибутом появления на свет такого ребенка. Маги уже лет триста как выяснили это, примерно тогда и научились использовать этих девиц для борьбы с одержимыми. Мальчиков, зачатых при тех же условиях, уничтожать старались сразу при обнаружении, так как, несмотря на все попытки подчинения, они ему не поддавались и, едва достигнув половой зрелости, начинали творить то же самое, что и их темный родитель. А вот существа женского пола – напротив. Если не пробудить в такой девушке тьму, то она сможет спокойно прожить нормальную, пусть и не слишком счастливую жизнь и умереть естественной смертью в положенное время. Вот только кто же позволит это им?

– Да уж, погано, что не каждая девка может Зрящей стать, – продолжил ухмыляться брат. – Я бы тогда ту блондиночку, которую мы с тобой в прошлые выходные вдвоем оприходовали у Диссии, взял бы. Сиськи у нее что надо, задница рабочая и сосет обалденно.

– Ты не придурок, братец, – фыркнул я, – ты у меня дурак, но мысль подал. Мужики, как насчет пойти выпить и хорошенько потрахаться, поминая чокнутую Тече? У нее была губа не дура и на одно, и на другое!

– Только если ты простишься всем в честь повышения! – откликнулся кто-то.

– Слушай, братан, а тебе эту девку не жалко? – спросил несколько часов спустя Реос, вперив в меня свой уже совершенно расфокусированный от поглощенного эля взгляд.

– Эту? – неуклюже кивнул я на ту самую приглянувшуюся нам обоим белобрысую шлюшку, чей пышный задок сейчас тискал родственник, наверняка пошевеливая своими пьяными мозгами, размышляя, не сделать ли нам с ней еще и третий заход. – Киска, тебе было плохо? Нам тебя пожалеть?

- Лучше уж приплатить, ребятки, вы оба еще те неугомонные жеребцы, - пошло улыбнулась она в ответ, и я поморщился. Не, третий раз я ее точно сегодня окучивать не стану. Надоела. Хочу брюнетку.

- Да не эту! - с грубой порывистостью сильно вдатого Реос спихнул девицу с колен. - Метнись еще эля принеси!

- А какую? - недоуменно уставился я на него.

- Ту, что нам инициировать надо, - пояснил он и поморщился, как от кислого.

- С какой такой стати? - хмыкнул я пренебрежительно.

- Ну вот живет себе девка, никому херни не делает, копошится там чего-то, замуж когда-нибудь собирается, детей там плодить, а тут припрямся мы - и хренакс! Конец ее жизни! Весь разум наизнанку, потом в клетку, маги эти измогаться будут, дрессировать, как сучку последнюю, а потом бегай по всей стране, ищи этих Одержимых - и все! Ни будущего, ни шанса выбраться, ни-че-го! Мы отслужим и уйдем, если не помрем на задании, а они - никогда.

- Ты нажрался в дым, - констатировал я.

- Нажрался, - покорно махнул головой Реос, - но все равно. Не жаль?

- Да плевать мне, братан, - честно признался я. - Не моя вина в том, что они рождаются теми, кем рождаются. Не я придумал, как их использовать. Не я вообще этот мир сделал таким, каков он есть. И точно не я стану заморачиваться на сраные сожаления, что все так, как оно обстоит. Мне по хрен!

И в тот момент душой я не кривил. Так-то подумать, этим девкам еще и везло, что их не приговаривали от рождения, как пацанов, зачатых одержимыми. Им шанс предоставляли сделать что-то полезное для всех людей, выслеживая ублюдков вовремя и тем самым снижая вероятность появления на свет себе же подобных. Нормально все, а эта ерунда с милосердием - не ко мне.

Глава 3

– Ну? – бросил я коротко, глядя в потолок, а не в физиономию своего первого бейлифа.

Не хочу я видеть эти недоумение и невысказанный вопрос в его взгляде, и без них погано на душе.

– Девка сняла комнату на постоялом дворе Фелио, – начал отчет Гаррет, – под самой крышей, чтобы без соседей.

И, насколько я помню, с чудовищно скрипучей лестницей, подняться по которой бесшумно и одному-то человеку нереально, а целой группе тем более. Боишься, стервоза?

– Зрящая, Гаррет, – поправил я, презрительно кривясь. – Побольше уважения к ее такому значимому на нашей территории положению.

– О, прошу прощения, конечно Зрящая, – подхватил мой пренебрежительный тон он.

В землях двуликих не случалось вспышек одержимости, мы ведь и так, по сути, с подселенцем в своей сущности живем, бесу в нас и места не остается, и случайно они сюда из других мест не забежали – это ведь верная смерть им. Так что никакой власти и влияния здесь у Магов и Стражи не было. Чихать тут всем на их статус в Эзхильде, здесь одна власть – прим твоей стаи. А учитывая, что Гаррет, в отличие от меня, никогда не покидал родных мест, чтобы послужить в той же Страже чисто заработка, славы и доступных женщин ради, почтения перед Зрящей у него не было ни на каплю. Хотя конкретно эта его и не заслужила.

– Фелио сказал, что она странная какая-то, велела перечислить и описать всех остальных постояльцев и немедленно сообщать, если прибудет кто-то еще. В остальном – все как обычно с дороги: приказала сейчас натаскать воды помыться и подать ужин.

«Вареные яйца и фрукты», – мысленно произнес я, а еще белое ликранийское.

- Вареные яйца, печеная тыква и вода.

И то верно, откуда в дыре Фелио фрукты и ликранийское. Завсегдатаи его забегаловки не ценители дорогих вин, у них запросы попроще.

- Больше ничего? - уточнил я, поднимаясь.

- Нет, только спросила, где завтра можно купить приличную одежду по местной моде.

По моде, ага, мы же тут, в нашем захолустье, те еще франты. Забыла ты, дорогуша, о прежней жизни, совсем забыла.

- Свободен, - бросил бейлифу и направился к выходу.

- Лор! - окликнул меня друг и помощник. - Насколько большие неприятности у нас впереди?

Эпично огромные, судя по всему, раз я такой тупой болван, что собираюсь пойти в дыру Фелио, вместо того чтобы просто взять и послать проклятую бабу сразу туда, куда она и так обожает взбираться чаще некуда, и свалить к хренам куда-нибудь по важным делам, которых у меня достаточно. Никаких новых встреч, никакого интереса, провалилась она, как и не было.

Но вот он я, идиот, каких поискать, стою у подножия лестницы с тяжелыми ботинками в руках и размышляю: подняться ли наверх или же лучше сжечь эту халупу вместе с мерзавкой на третьем этаже и теми, кому не свезло ночевать с ней под одной крышей. Не такая уж великая жертва за то, чтобы сжить со свету такую гадость, как она, и вернуть себе раз и навсегда душевный покой. Ну да, будто бы это вообще возможно.

Конечно, она заперлась изнутри, но разве это меня способно остановить? Пристроил свою обувь на тумбе, не сводя глаз с большой бадьи у жарко горящего камина, из которой торчала только взъерошенная макушка. Ни всплеска, ни признака движения, только отблески огня, мечущиеся по неподвижной поверхности. Вдруг уснула в воде и утонула к бесам, сделав этому миру и лично мне большое одолжение? Как бы не так - такие просто не

подышают.

– Настолько не терпится, что и до завтра дожидаться не смог? – Хриплый голос в полной тишине комнаты, и у меня весь загрибок моментально дыбом, и не только он, будто она эти слова выдохнула в мой затылок, дразня почти касанием.

Прихватив единственный корявый стул, обошел бадью и поставил его так, чтобы сесть к ней лицом, и закинул ноги на край купальни, пялясь прямо и бесстыдно. Поерзал и, не скрываясь, поправил несгибаемого придурка в штанах.

Вода была неподвижна и совершенно прозрачна, мыло нетронутым лежало на широкой ручке деревянной кадучки с ее стороны. Облапал глазами, начиная с груди, формой немного напоминающей каплю с усеченным основанием, нарочно игнорируя ее лицо. Темно-розовые соски, не крошечные вершинки, а сочные, крупные, такие, что начинает чесаться нёбо от желания втянуть их в рот целиком, глубоко, уже на языке ощущая то, как они съеживаются и твердеют, прямо как сейчас под моим нахальным взором. На краях ареол появились крошечные пупырышки, как оправа из мелких самоцветов, окольцевавшая два главных драгоценных камня, и множились дальше по ее коже, но дразнящие мурашки стремительно метнулись и по моей, поднимая каждый волосок и догоняя кровь, что неостановимо мчалась к паху, словно ей там еще было куда деваться.

– Не ты здесь решаешь хоть что-то, Летэ. – Я даже и не пытался скрыть огрубение моего голоса от все растущего возбуждения и только следовал глазами ниже по ее телу, к подтянутому, даже поджарому от постоянных тренировок животу, такому почти совсем не женскому, добрался до развилки бедер и нагло уткнулся в нее взглядом, не стесняясь представлять, как бесцеремонно, с нажимом раздвигаю женские колени, открывая ее лишенное волос лоно, чтобы смотреть, трогать, вылизать, трахнуть. Не прячась, снова поменял положение на стуле, бесстыдно выставив напоказ свой каменный стояк, и только после этого установил прямой визуальный контакт. – Я решил уделить тебе время сейчас, другого не будет, так что у тебя ровно пять минут на то, чтобы заинтересовать меня остаться. Говори, зачем явилась, или же выбирайся из воды и нагнись над ванной. Второй способ уж точно привлечет мое внимание, что совсем не гарантировано при твоём рассказе.

Летэ, не шевельнувшая с момента моего появления даже пальцем, чтобы прикрыться, медленно опустилась под воду с головой, так же неторопливо вынырнула, одной рукой немного неуклюже намылила голову. С волос закапало, постепенно превращая идеально прозрачную воду в дымку цвета разбавленного молока, раздражая и возбуждая меня тем сильнее, чем более смутными становились очертания изгибов сквозь эту пелену. Пальцы скрючились сами собой от сдерживаемой потребности выдернуть ее из этого бледного марева, поставить прямо перед камином и снова жрать глазами, буквально обглаживать, пока вообще ничего и никому не останется от этой дряни. Да, фон из яркого пламени, лучше адского. Самое то, чтобы насмотреться на нее.

Опять погрузившись, Летэ смыла пену и, схватившись только левой рукой за край бадьи, поднялась наконец и вышагнула на пол, заставив меня сжать зубы до хруста, чтобы не броситься вперед, не опрокинуть там, где стоит, и не засадить ей по полной, закинув ноги на свои плечи. Хотя нет, ни хрена я не хочу смотреть в ее сучье лицо, трахая, так что только на четвереньках, как животное, коим и являюсь. Но в следующую секунду она повернулась ко мне спиной, наклоняясь за полотенцем, а вот моя удушливая похоть улетучилась, как и не было. Правая сторона ее спины, от плеч до поясицы и ниже, по ягодице и до уровня колена по бедру – сплошной черно-синий кровоподтек!

– Ну надо же, хорошо тебя кто-то приложил, – съязвил я, хотя непонятно как мой язык меня послушался. – Недостаточно глубоко взяла?

– Я убила Первого, – без всякой эмоции в голосе сказала Летэ, но я не сразу-то и понял, оглушенный собственным взбеленившимся при виде ее состояния зверем.

– Ты что? – Я даже головой мотнул, прочищая мозги от сраной какофонии из угасающего вожделения и давления второй половины.

– Ты стал тугоухим, Лор? – усмехнулась она и, ступая так, словно каждый шаг был для нее болезненным, пошла к кровати. – Я убила Первого мага Эзхильда.

– Быть такого не может! – Ну реально, мало того, что это физически практически невозможно, но и на кой ей это вообще могло понадобиться? – Мне казалось, что ты закончила с мезтью давным-давно.

Ага, ровно тогда, когда разнесла мою жизнь в клочья.

– Месть здесь не при чем, Лор.

– Не смей звать меня так! – огрызнулся я, цепко наблюдая за тем, как она оборачивается простыней и ненавидя в этот момент проклятую тряпку. – У тебя нет такого права! Для тебя я исключительно прим Лордар!

– Прим Лордар, – чуть наклонила Летэ голову и, как ни странно, без тени насмешки. – Всегда должен быть сверху.

– Какого беса произошло между тобой и Первым? – спросил, игнорируя пронзившую от мозга до вмиг загудевшего от напряжения члена картинку, как это – видеть ее под собой.

– Между мной и им абсолютно ничего. Просто он стал Одержимым, а я сделала лишь то, что и должна была – лишила жизни вместилище, дабы низвергнуть зло в надлежащее ему место.

– Ясно, ты действительно чокнулась, – произнес, ошарашенно глядя, как эта ненормальная уселась на край кровати, поставила на колени блюдо с едой и, чуть кривясь от неудобства, взялась чистить одно из яиц здоровой рукой. – Ни один маг не может подвергнуться нападению беса. Это абсолютно исключено! Ни единого шанса.

– Ну да, именно из-за этого убеждения ни на кого из стражей или других магов мне рассчитывать и не приходилось. Все сама. – Проклятое яйцо проворачивалось под ее пальцами и никак не чистилось, и, выйдя из себя, я зачем-то вскочил и, схватив его, избавился от скорлупы в пару движений и швырнул обратно.

– Ты рехнулась. – Встал над Летэ, давя своей энергетикой, но скорее уж ловя ее тонкий аромат, что временно оказался мне недоступен на расстоянии из-за мыла и запаха местного застиранного белья. – Но это, впрочем, неудивительно, учитывая, сколько лет ты в Страже. У вас же у всех через десяток лет мозги сворачиваются в узел.

Она стала невероятно медленно поднимать глаза, начиная от моих босых ног, выше, лишнее мгновение задержалась на ширинке, снова пробудив мой член,

подорвавшийся и задержавшийся, словно был ее собачонкой, которой она свистнула к ноге, и неторопливо дошла до лица, устанавливая визуальный контакт. Темные круги под глазами у нее проявились еще отчетливее, и вид был совсем изможденный, но я не хотел ее жалеть. Никакой жалости или сочувствия между нами, не-а, мне нравилось видеть ее такой, вот только... Усталой и измученной она должна была быть от того, что я ее затрахал до полусмерти и ни по какой другой причине. И отметины на коже оставлять позволено лишь моим пальцам и зубам...

- Я не собираюсь спорить с тобой о моей адекватности, - невозмутимо ответила Летэ, - как и опровергать утверждение о том, что насильственный захват бесом ни одного из магов невозможен. Но никакого нападения на Первого и не было. Он сам призвал и впустил в себя порождение зла.

- Кончай это безумие! - заорал ей в лицо. - Зачем ему это?

- Он постарел, и он всего лишь человек, прим Лордар, очень могущественный и знающий, но смертный, - выговаривая слова, преувеличенно четко сказала полоумная баба. - А умирать ему совсем-совсем не хотелось, вот он и нашел способ.

Чушь, ну ведь полная чушь же! Этой стерве было недостаточно расхреначить мою жизнь прежде, так она, окончательно спятив, натворила дел и с удовольствием притащила неприятности к моему порогу! Все, что я обязан сделать сейчас, - связать дрянь, чтобы и шелохнуться не могла, и отправить экстренной оказией обратно откуда приперлась.

- Какого тебе от меня-то надо?

Глава 4

Десять лет назад

– Значит, никаких сомнений в том, что девчонка возможная Зрящая? – спросил у местного слухача Стражи, пожилого лекаря с абсолютно лысой головой и неприятно бегающими, глубоко посаженными глазками-бусинами.

– По всем прямым и косвенным признакам она и есть, патрон Лордар, – закивал он. – Мать ее в девичестве Одержимый похитил, нашли только месяц спустя в соляной шахте. Естественно, пользовал он ее там по-всякому, так что домой вернули уже брюхатой. Родители ее, само собой, ко мне обратились, хотели избавиться от такого приплода, да только ничего не вышло. Микстурки-то мои и зелья от такого не помогают.

Я мрачно кивнул. Всем известно, что женщине, понесшей от одержимого, особенно уже набравшего силу, практически невозможно освободиться от такого бремени раньше времени. Разве что себя убить вместе с этим ребенком.

– Семья у девушки была не из бедных, и ее быстро пристроили замуж за сына кабатчика, пока живота еще не видно было, так что девчонка эта, Летэ, она его дочкой считается, хоть и знают все, что неправда это.

– Еще признаки есть? – вмешался в разговор брат, наверняка уже желающий поесть, выпить и завалиться поспать после трех дней дороги в эту глушь.

– Да, конечно! – почти подпрыгнул на месте слухач, опасливо косясь на недовольную физиономию усталого Реоса. – Все классически прямо. Ее мамаша после девчонки пошла рожать год за годом подряд от мужа-то своего, все сплошь пацаны и у всех – отметины в разных местах.

Я сдержанно кивнул, признавая наличие второй обязательной приметы потенциальной Зрящей – у их матерей, если уж и рождались после них дети, то исключительно противоположного пола и обязательно «меченые», так как чрево бывших игрушек одержимых было по большому счету испорчено. Да и сами эти отпрыски считались существами с повышенным риском принять в себя беса, поэтому раньше, когда Стража находила возможную Зрящую, всех их частенько отправляли на тот свет в качестве профилактики. Сейчас с этим не так строго, но самого правила никто не отменял.

– Сколько там у нее братцев? – уточнил я и зевнул. Чертовски нудная дорога вышла.

– Восемь, на девятом мамаша и отошла в мир иной, – отозвался слухач.

– Жаль, что померла, – скривился Реос, поняв мою мысль. – Ну, значит, прирежем этих мелких на глазах у девки, ее и тряханет – и готова наша новая Зрящая. Оттащим ее магам – пусть дрессируют.

Я усмехнулся, вспоминая его пьяные страдашки трехдневной давности по судьбам претенденток. Достаточно было протрезветь, и вот вернулся разум. Брат снова такой же циничный и безжалостный засранец, как и я. Как любой в Страже, другим тут не место – мы не сбором грибов занимаемся и не розыском смазливых претенденток в постели аристократов, мы убиваем часто и много.

– Прошу прощения, но этот способ вряд ли сработает, – проблеял неуверенно целитель, – ведь на Летэ в полной мере работает еще и третья примета: отчим и все ее родные терпеть не могут девчонку с самого мальства, грубы с ней и пашут на ней, как на вьючной скотине, так что ни для кого не секрет, что бедняга тоже теплых чувств к родне не питает, только и мечтает уже замуж выскочить, там хоть работать столько не придется.

– Что, и женишок уже имеется? – осведомился я.

– А как же! Отчим ее столковался с нашим мельником, за его сына-увальня бестолкового ее не без пользы для себя пристраивает. Правда, тот на каждом углу треплется, что братья Летэ за себя ни за что не хочет и его тошнит от одной мысли спать с ней. Вы же знаете, этих потенциальных Зрящих никто не любит на уровне инстинктов.

Так и есть, нормальных людей от потомков одержимых прямо с души воротит, невзирая на их внешность, хоть бы красоты они были неземной, зато вот для самих носителей бесов они словно медом намазаны. Да еще на нас это отторжение никак не сказывается.

– Сама девка как к женишку относится? Может, тогда его замочить, чтобы спровоцировать? – Реос явно мечтал разделаться с этим заданием поскорее, и я в этом был с ним полностью солидарен.

– Вот тут ничего сказать не могу, – покачал лысой головой слухач. – Подруг у нее нет, девушка нелюдима и мыслями своими ни с кем не делится, но замуж однозначно хочет, любая бы хотела, пожив в такой семейке, как у нее. Лошади у пахарей меньше работают, чем Летэ на постоялом дворе своего отчима.

– Ну и почему это ты у нас станешь исполнять роль героя-спасителя, а не я? – проворчал Реос, обматывая лицо темно-синим платком, так же, как и еще четверо парней из Стражи.

– Запросто могу уступить свое место и с удовольствием напинаю тебя по ребрам, если вообще до этого дойдет, – осклабился я в ответ. – Но очень надеюсь, что не придется даже это делать, не говоря уже о последующем ломании комедии с изображением романтического и влюбленного идиота.

Наш план по инициации был многоуровневым и должен был приводиться в исполнение в непрерывном режиме, дабы успех был неизбежен.

Сначала Реос и парни нападут на идиота женишка на глазах у Летэ, избьют его или даже жестоко и изощренно прикончат, если нужно. Не сработает – возьмутся за саму девку, напугают до полусмерти изнасилованием, провоцируя тьму выйти наружу. Реально насиловать, если все же не «прорвет» и от этого, не станут. Появлюсь я, весь из себя спаситель. Получу от души, но таки спасу даму от мерзавцев, дотащусь больной-несчастной на постоянный двор ее отчима, поселюсь там, начну ухаживать, томно смотреть влюбленными глазами на эту наивную дуру – и все, она у меня, считай, в кармане. На нее же по-доброму за всю жизнь никто наверняка и не взглянул, а тут такой красавец и защитник, да еще и богатей, «наследник аристократического рода». Влипнет в меня, как кошка, позову с собой, пообещаю любить до гроба и жениться – бросит все и побежит, как псина вышколенная, и сама ноги раздвинет и отдастся, а вот потом сюрприз-сюрприз. Не нужна ты мне, бестолочь и деревенщина, поимел и выкинул, а еще и другим предложу попользоваться сразу же после трепетного момента потери невинности. И если ее уж после такого не взорвет изнутри тьмой, то вообще ничего не сработает. Избавляться и за следующей ехать придется.

Все продумано и рассчитано на несколько шагов вперед, но вариант с тем, что все произойдет сразу и без лишней возни и траты времени, предпочтительнее. Хотя и на соблазнение с побегом и прочим я даю максимум три дня. Больше этой глупой курице не продержаться – поплывет, едва за нее возьмусь.

Со стороны реки, куда Летэ отправилась полоскать неподъемную гору белья, а женишок потащился следом после отцовского окрика, даже и не думая ей помочь волоочь эту тяжесть, донеслись крики. Сначала мне показалось, что закричала девчонка, но, оказывается, этот истошный визг издавал этот ее уже, собственно, бывший суженный – здоровенный белобрысый лбина. Мило, однако. Зевнув, я подошел поближе, чтобы устроиться на берегу за деревьями, откуда было хорошо видно все действие, и свой выход я точно не пропущу. И наконец нормально рассмотрю нашу возможную Зрящую, а то только и видел до этого, что ее густо-рыжие, почти медно-красные волосы, заплетенные в толстенную косу, что болталась вдоль ее спины.

Запугивая, двое стражей со скрытыми лицами заломили Летэ руки, остальные взялись за ее жениха, избивая, глумясь и обещая сделать с ней всякие грязные вещи, как только с ним закончат, но тут огромный детина зарыдал и завизжал, словно шлюха, которую впервые дерут в зад без смазки, стал истерически биться и орать, чтобы «уважаемые господа брали эту бабу и делали с ней все что им угодно, а он никому ничего никогда не расскажет». Ну что за склизкая гадость! Как ни странно, но на покрытом множеством ярких веснушек лице девушки не отразился шок от такого предательства нареченного. Очевидно, она неплохо знала ему цену и даже не удивилась, хоть и явно боялась, оказавшись в руках толпы отморозков.

Реос незаметно глянул в мою сторону, вопрошая, и я сделал знак кончать слизняка. Можно было его и отпустить – и ему уже понятно, что на Летэ не произведет нужного эффекта его наглядное убийство, но на кой оставлять жизнь такому ничтожеству, если взять и удавить куда как приятнее.

Я встал, отряхнул задницу от земли и листьев и выждал еще немного, готовясь к своему эффектному появлению. Женишок забулькал, захрипел и затих, а вот Летэ так и не закричала, даже тогда, когда парни повалили ее и стали рвать одежду и нагло лапать, изображая намерение отыметь всем вместе. Она тряслась и молча плакала, но что-то... какая-то обреченность, окружающая ее, как плотное облако, однозначно подсказывала мне, что нужного результата не будет. Она просто вытерпит всю боль и унижение, ведь другого в жизни и не

видела, и не взорвется. Теперь я понял, что все же план придется осуществлять до конца, а точнее, нужно было начинать, собственно, с последнего пункта – с соблазнения и внушения иллюзии любви и обещания шанса на другую, красивую жизнь. Только позволив родиться в себе надежде, она станет уязвима для наших попыток добраться до заключенной в ней тьмы. Пока нет надежды, а одна лишь покорность обыденности, нечего топтать, нечем спровоцировать. Лишь показав ей разницу, поманив волшебством чего-то иного, получится лишить девчонку всех тех слоев толстой защитной кожи, что она нарастила за годы мерзкого обращения.

Расправив плечи и задрвав подбородок, я закричал: «А ну отпустите девушку, грязные животные!» и ломанулся по берегу реки, врезаясь в толпу лапающих Летэ сослуживцев.

Само собой, они отвесили мне изрядное количество тумачков, но я все же «обратил их в позорное бегство», а в награду получил потрясенный и полный неподдельных эмоций взгляд девчонки. Конопатое простоватое лицо залито слезами, а глаза были светло-светло-голубыми. Терпеть не могу такое сочетание, пусть даже и нет у меня особых пристрастий во внешности баб, учитывая, что дело я имею принципиально только со шлюхами. Но эти веснушки и почти прозрачные глазки...Тьфу, аж тошно от этого сочетания внешней невинности и дурацкой доверчивой благодарности. Еще и слова мне не сказала, а уже вижу, что моя с потрохами. Как же все это просто, даже не смешно!

Демонстративно рухнул на колени, прижимая со сдержанным мужественным стоном руку к животу, сплевывая кровь, и она отмерла, кинулась ко мне, неуклюже стискивая разодранное на груди платье.

– Благодарю, благодарю вас за помощь, благородный герр! – давя всхлипы, затараторила она, а мой взгляд неожиданно зацепился за торчащий из тряпья, в которое превратилось ее платье, темно-розовый сосок. Немного крупноватый для таких небольших сисек, но мой член внезапно это одобрил, начав наливаясь, а язык непроизвольно прошелся изнутри по нёбу, как будто прикидывая, как эта вершина может ощущаться у меня во рту. Ну только такого мне еще не хватало! Мне такое строение женской груди даже и не нравится обычно, но, с другой стороны, я молодой здоровый самец, и чтобы трахнуть бабу, мне не нужно воспылать к ней и каплей настоящего влечения, достаточно ее доступности. А трахать эту мне по-любому придется, так что даже хорошо. Хоть не нужно будет самому себя рукой накачивать или представлять кого

поаппетитнее, когда ей между ног залезу.

– Я вам так благодарна, так благодарна! Даже не представляю, как это выразить! – лепетала наивная бестолочь. Дай тебя трахнуть, да стань Зрящей по-быстрому – вот и вся благодарность.

– За такое не благодарят, прекрасная мистри! – Последние слова чуть в горле не застряли, не так уж и легко, оказывается, корчить из себя хорошего парня, особенно без практики.

Вся моя обходительность и хорошее отношение в этой жизни будут принадлежать лишь одной женской особи в этом мире – моей паре, вот поэтому я и пользовался исключительно услугами платных профессионалок, перед ними комедии ломать с обходительностью не нужно. То, что у меня с женщинами, до того как я встречу свою истинную, и рядом не должно стоять с тем, что будет для нее. Даже прозрачные намеки и прямые приглашения от аристократок я отметал без всякого сожаления. С этими расшаркиваться нужно, притворяться, что, типа, уважаешь, хотя, по мне, они еще хуже шлюх. Те хоть не скрывают, что раздвигают ноги ради денег, а дамы высшего общества (по сути, те же шалавы) хотят заполучить под хвост хрен реального жеребца, коими мы слыли, но при этом он еще должен изображать восхищение, обожание и благодарность за то, что эта высокородная бл*дь снизошла до простого стражника-полуживотного. Аж тошно!

– Кто? – опешила девчонка. Что, к тебе в жизни не обращались уважительно, бестолковая птичка? Кроме «эй, подай» и «пошла вон», небось ничего и не слышала?

Всхлипывания полились сплошным потоком, девка завывала, размазывая слезы по конопатым щекам, и кинулась мне на шею. Ну твою же мать! Как же я ненавижу бабские истерики! Плевать, насколько они оправданы. Бесят и никакого сочувствия во мне не вызывают, наоборот, желание свалить как можно быстрее.

– Тише, милая, все уже закончилось! – закатил я глаза и неловко обнял ее. – Давай я тебя домой провожу, красавица.

От изумления она даже заткнулась, позволяя мне облегченно выдохнуть, и подняла ко мне свое зареванное лицо. Ну, что сказать... не уродина. Нос

аккуратный, глазки вроде поярче будут, чем сразу показалось, губки что надо, пухленькие. Мой член такую форму очень одобрил, снова заворочавшись что-то чересчур бодро, но кроме него с какого-то перепугу поднял с любопытством голову и зверь. Зараза, надо было вчера все же найти проститутку и опустошиться до сухих яиц, прежде чем спать завалиться. Сейчас бы не мешалось беспокойное либидо.

– Нет, мне нельзя домой так! – глянула она на свое платье и ахнула, опять хватаясь за разодранные края ткани, держать которую забыла, когда вешалась мне на шею. Зато я успел очень неплохо рассмотреть ее грудь целиком. Трахать ее буду на спине, однако. Хоть поглазею, как она подпрыгивать будет, ага.

– Почему нельзя?

– Если отец подумает, что меня... что я уже порченная – прибьет вовсе. Кто возьмет-то?

Да я сам лично и твоего якобы отца, и его выродков спалю вместе с постоянным двором, как только тебя заберем, дура! Непонятная злость вскипела, на мгновение затмевая взор, хотя с чего бы? Все, чего достойна эта ситуация, – это максимум раздражения из-за промедления.

– Я лучше тут на камнях свое второе платье высушу и в нем домой вернусь.

Ау, дорогуша, вон на песке твой бывший женишок лежит, тухнет, как дохлая рыбина, а ты о том, в каком виде домой вернешься, только думаешь? Настолько плевать на него было, или так и правда отчима боишься? Впрочем, да насрать мне!

– Что же, тогда позвольте хотя бы охранять вас тут пока, прекрасная мистри, и все равно сопроводить домой в целости! – расшаркался я и снова охнул, напоминая, что весь тут пострадавший спаситель.

Ее голубые зенки распахнулись, и она едва не заметалась по берегу, подбирая разбросанные тряпки.

– Я мигом, благородный герр!

– Для тебя я просто Лордар, милая! – едва не скривившись от пафосности, ответил я и выбрал место присесть.

Хоть бы не уснуть тут, изображая очарованного ее прелестями придурка!

Глава 5

– Помощь. Защита. Сопровождение, – перечислила Летэ и, не коснувшись уже избавленного мною от скорлупы яйца, взялась так же неуклюже чистить другое.

Как же бесит! Каждым движением и вдохом. Уставился на ее ключицу и плечо, оценивая опытным взглядом повреждения – у нас ведь на них нюх от природы. Похоже, перелома нет, выбито плечо. Должно быть дико больно. Но мало тебе, дрянь!

Зная наверняка, что ее реакции и близко не сравнятся с моей стремительностью, моментально убрал тарелку на кровать, схватил Летэ за здоровую руку, дернул на себя, поднимая, и тут же толкнул к стене.

– Не см... – только и успела она прошипеть, прежде чем я уперся левой ладонью в центр ее груди, фиксируя, и рывком вправил плечо.

Сразу навалился, зажимая рот и давя рвущийся из нее вопль, что однозначно разбудил бы не только постояльцев Фелио, но и всю округу. Летэ затряслась подо мной всем телом, мыча и переживая волну боли, и вдруг, извернувшись, попыталась садануть коленом между ног и впилась со всей силой зубами в руку, зажимавшую ее рот.

– Тварь, какая же ты злющая неблагодарная тварь! – прорычал ей в лицо, дурея от ощущения хоть какой-то моей части, оказавшейся в ней. – Если так не терпится взять что-то мое в рот, то у меня есть для тебя кое-что получше.

Вжался неугомонным стояком в ее живот раз, и еще, издеваясь не столько над ней, сколько гораздо сильнее над собой, потому что зверь вцепился мне в горло намертво, требуя взять свое, наше, да так, чтобы она дрожала и глаза

закатывала от удовольствия. Жалкой скотине не было дела до того, что такому не бывать. Не по доброй воле этой бабы уж точно. Но кто сказал, что никогда вообще? Нищим выбирать не пристало, если и твоя судьба, и твоя пара – те еще две жестокие сучки, то успеть бы ухватить хоть что-то и на любых условиях. И я ухвачу.

– Отвали! – практически промычала она, обжигая дыханием кожу и убивая на хрен этой затухающей телесной дрожью, которую ловил собой, как ссохшаяся земля каждую каплю годами ожидаемого дождя. – Я лучше ногтями себе глотку вскрою, чем что-то твое окажется во мне, урод!

Глаза как два костра гудящего бешенством пламени, что поджарили бы меня в секунду, имей такую силу.

– А вот тут ты не угадала, дорогая моя просительница, – ухмыльнулся гадко, заставляя, насилуя себя прямо, чтобы отступить от нее, хотя мышцы все до одной едва не каменели, протестуя против появления расстояния между нами. – Ты пришла ко мне за помощью, а я собираюсь заставить тебя за нее заплатить. И деньги со сраной славой меня не интересуют. За эту валюту я уже в свое время наработался и больше не нуждаюсь.

– Что же, значит, я завтра же двинусь дальше и найду в этих землях другого прима с сильной стаей, который имеет понятие о долге и порядочности, в отличие от тебя, – презрительно выплюнула она, обходя меня, а я повернулся следом, как приклеенный, стискивая кулаки, чтобы не вцепиться в ее мокрые волосы и не нагнуть над кроватью. Сними с себя эту никчемную тряпку, я ведь все равно вместо нее тебя голой вижу, она твоему несуществующему целомудрию не защита.

– Нет стаи сильнее моей, и нет ни одного прима, что не прислушался бы к моему мнению и откровенным угрозам, Пушистик. – Я поморщился, недоумевая, как так давно забытое прозвище, данное той, кем эта женщина по факту уже не являлась, выскочило из моего рта. – Ты будешь иметь дело или со мной и станешь покорной любвеобильной лапушкой, пока я тебе нужен, или ни с кем.

Она развернулась, сжигая меня взглядом, и прошептала одними губами «ублюдок», на что я так же ответил ей «шлюха» и широко улыбнулся, уже торжествуя неизбежную победу. Зря ты пришла ко мне Летэ, ох зря! Отведу

теперь я душу.

– Да, кстати, о том, чтобы просто взять и свалить с моей территории с гордым видом, не помышляй, – пошел на добивание. – Предполагаю, что, если твой рассказ об убийстве Первого – правда, а я это проверю всенепременно, ты сейчас номер один среди опаснейших преступниц. Так что мой прямой долг упаковать тебя понадежнее в кандалы и доставить Страже и магам, чего я опять же могу не делать в обмен на щедрую ласку.

Противен ли я себе из-за этого шантажа? Если бы она была хоть немного другой, если бы между нами не было всех этих гор взаимного дерьма, смерти, то, наверное, и вывернуло бы на месте. Если бы, если бы... Да я бы боготворил ее, сделал центром своего существования, простил бы все, абсолютно. Но это Летэ, и мне ничуть не стыдно ни перед ней, ни перед собственной совестью, и срать ей на мою готовность проглотить все, а зверь пусть заткнет хлебало и довольствуется тем, что мы получим ее – по хрен, на каких условиях. Мне любовь в ее глазах и даром не нужна, пусть хоть захлебнется от ярости, кончая, так даже слаще и острее. А кончать она будет, и часто.

– Всегда знала, что ты мерзавец, но, похоже, ты все эти годы в этом еще и совершенствовался, – процедила она, снова натягивая маску ледяного пренебрежения.

– Не всегда, не криви душой, Пушистик! – На сей раз я хлестнул ее этим прозвищем нарочно, поймав проблеск бешенства в голубых ледышках. – Когда-то ты мне так складно и громко пела о любви.

Тонкие ноздри дернулись, раздуваясь, как взбрыкнувшая и готовая понести лошадь, но Летэ удалось обуздать себя и на этот раз. А зачем я тяну из могилы эти воспоминания? Меня же они полосуют не слабее, чем ее, а может, и куда сильнее. Не увидел. Не учуял. Не остановился.

– Скольким я пела то же и гораздо громче, чем тебе, – она якобы задумчиво закатила глаза, – всех и не припомнить. И каждый был лучше тебя, но что поделать, с чего-то же надо было начинать. Зато ты для меня остался вечным эталоном самого дерьмового любовника. Благодарю, что показал, каким ничтожеством НЕ должен быть мужчина в постели, да и в жизни.

Мои пальцы скрючились, а перед глазами побагровело, и, не доверяя себе, я попятился.

«Сколько их было? – ревел, лютуя, зверь. – Кто? Убить каждого, рвать-кромсать-заставить утонуть в своей крови. Они взяли то, что мое!»

Не взяли, мохнатый придурок, она сама отдала, нарочно, с удовольствием.

– С тобой не согласятся все те бабы, которых я поимел и до, и после тебя, Летэ. – Да лучше бы смолчал – прозвучало как какой-то скулеж. Как докатился до такого унижения? Впрочем, она и мое унижение – давние неразлучные спутники.

– Ты всегда имел только шлюх, а за те монеты, что ты им щедро отваливал, они тебе спуют что угодно, – рассмеялась она так легко, почти естественно, что у меня кишки свело от внезапного желания услышать этот смех снова абсолютно натуральным, как когда-то давно, когда он звучал без единой нотки цинизма.

– А зачем мне песни, если у меня есть нюх. И благодаря ему я в курсе, что и твоя первая песенка, и их – самые что ни на есть настоящие. А то, что шлюхи... так ведь, и ты такая. Обидно только стало, что тебе одной и не заплатил? Так я могу.

– Способен говорить хоть о чем-то, кроме своего члена и его смешных приключениях? – мгновенно переменившись, Летэ уселась на постель и вернулась к своей еде, будто ничего и не было. – Ты отдаешь себе отчет, что угрожая мне и лишая шанса найти того, кто действительно готов к сложной миссии, ты, возможно, обрекаешь всю страну погрязнуть в хаосе от нашествия одержимых?

– Тебе не найти никого более подходящего и готового к этой твоей миссии, и дело тут лишь в том, что ты считаешь себя чересчур хорошей, чтобы честно расплатиться за услуги этого лучшего. Так кто из нас обрекает страну на хаос?

Я не врал тут. У меня за эти годы было слишком много времени и сил, требующих выхода от так и накатывающих раз за разом приступов нереализованной ярости, и их я направил на выбивание для себя места главного прима в нашем краю и сколачивание крепкой стаи с неоспоримой боевой мощью. Хоть прямо сейчас я мог объявить небольшую войну каждому соседнему княжеству и подгрести его под себя. Вот только уже пару лет как я

стал успокаиваться – кому нужны эти амбиции и притязания? Ради кого стараться? Кого поражать? Ту самую пару, которой у меня все равно что нет, считай?

Но вот надо же, она сама явилась и просит меня практически «поиграть перед ней мускулами». Ну так я всеми конечностями «за», вот только и ей за это придется делать некоторые телодвижения. И немало, у нее десять лет проклятого долга передо мной и количество разорванных в хлам нервов как отсюда и до небес и обратно.

– Похотливое животное. – А вот это уже похоже на капитуляцию.

– Точно. И похоть этого животного всего лишь нужно досыта кормить, чтобы использовать как тебе угодно. Не будь жадиной, от того, что раздвинешь ноги, от тебя не убудет. Привычное же для тебя дело.

– Только не с тобой. – Да брось, Летэ, сдавшись, уже не клацай зубками.

– Со мной, с другим... такой, как ты, не наплевать ли?

– Наплевать, все верно. Но ты даже не спросил, куда я хочу, чтобы ты и твои люди меня сопровождали.

– Да какая разница! Ты мне даешь, я ради этого за тобой следую и берегу как драгоценность, а мои волки всегда идут куда я велю. Вот и весь договор.

– Тогда никаких проблем с тем, что я намерена добраться до вотчины Бессмертного Иральда? – с нескрываемой издевкой уточнила полоумная баба, а я подавился вдохом.

– Ты чокнулась?

Десять лет назад

Я пристроился в самом тихом углу приличных размеров основного зала харчевни «Сытый вебрь» при постоялом дворе отчима Летэ и уже второй час подряд наблюдал, как девчонка таскает тяжеленные подносы с едой и посудой, не получая за свои усилия ничего, кроме хамства и тычков, как от бездельников братьев, так и от многочисленных посетителей. Вот оно в действии, это заложенное в самую человеческую природу отвращение к потомкам Одержимых, что отталкивает и вызывает злость к ним на уровне, не подвластном разуму. Нам, двуликим, это не свойственно, и пусть сама цель моего наблюдения сочувствия во мне не будит, невольное раздражение ко всем этим обладателям кривящихся в ее сторону морд я не мог полностью подавить. Не так давно, до того, как мой народ оказался так удачно подходящим для службы в Страже, и нас людишки побаивались и не особенно жаловали на своих территориях, и память об этом еще жива. Впрочем, мало что мешало нам передвигаться и жить среди них и тогда, изображая добропорядочных торговцев и ценных наемников в охрану, потраживая их девок в ожидании встречи со своей парой, ведь нет у человека, не мага, способов опознать нас, если сами не выдадим себя.

Брат Летэ, явно младше ее на пару лет, но при этом на голову уже выше и здоровей раза в два, снова по-хозяйски прикрикнул на девчонку, веля поторапливаться, пока она перла обратно на кухню поднос, заставленный целой горой наверняка увесистой глиняной посуды, а сам бил баклуши, подпирая плечом стену и ковыряя в носу. И это взбесило меня. Я тебе лично кишки выпущу, крысеныш! Два здоровых лба слонялись по залу, подобострастно скалясь посетителям и собирая заказы, в то время как их сестра, ростом едва ли по мое плечо, носилась груженная туда-сюда, подавая-унося-отмывая, а они возвращались, чтобы получить с сыто-пьяных посетителей плату и поклянчить чаевые. А в благодарность девчонке только и доставалось что окрики, тычки и недовольство. Если честно, ее терпение вызывало у меня злость и презрение. Ни одна женщина двуликих не стала бы терпеть подобного отношения, да никому бы и в голову не пришло так с ней обращаться. И вместо жалости у меня появлялось желание врезать ей по затылку, чтобы хоть как-то расшевелить. Сразу как прикончу всех ее обидчиков и помочусь на их трупы.

На меня Летэ кидала только быстрые взгляды украдкой, и нам не случилось поговорить с того момента, как я проводил ее домой и снял комнату тут же. Надо было видеть ее ошалевшую мордашу, когда взялся нести ее неподъемный

таз с бельем до места. Вся пятнами пошла и как дышать забыла, дурочка. Собственно, уверен, что мне больше и делать ничего не нужно, очаровывая, она и так на грани обморока была, но я откуда-то нашел в себе силы продолжать болтовню о ней, красоте такой неземной, с ног меня сбившей. Надеюсь, у меня волдырей от вранья на языке не вылезет, но даже и появись они, все то смущение пополам с наивнейшим восхищением достаточно почесали под шейкой мое самолюбие, чтобы компенсировать. Как ни крути, есть что-то до странности приятное во влюбленных зырканиях и вздохах женщины, когда абсолютно уверен, что это искренне, пусть на нее саму тебе и плевать.

Ухмыльнувшись, когда Летэ отвернулась, я торжествующе глянул на сидящих в другом углу брата и сослуживцев, незаметно им кивнув. Сменив одежду и избавившись от тряпок на лицах, они вполне могли себе позволить пьянствовать и тискать местных девок, тогда как мне приходилось изображать унылое одинокое влюбленное дерьмо, торча в харчевне и не имея возможности пригубить даже капли эля. Ладно, Летэ, я на тебе потом отыграюсь – так отдеру, что по гроб жизни не забудешь.

Спустя еще пару часов забегаловка наконец стала закрываться, и я переместился из зала во двор, поближе к конюшням, ведь мы уже пронюхали, что уборкой и перебиванием гор посуды рабочий день нашей возможной Зрящей не заканчивался. Пока ее братья и отец укладывались в кровати, она топала поить-кормить лошадей постояльцев.

Летэ выскользнула из дверей еще минут через сорок, и я выступил из тени, давая себя увидеть. Улыбка, потупленные глазки и румянец, что прямо-таки осветил своим полыханием ночь. Мило, между прочим.

– Герр Лордар, – еле слышно пробормотала она, начав комкать передник.

– Я же сказал, что для тебя я просто Лордар. Даже Лор.

– Я не посм...

– Ну же, мне было бы приятно услышать это от тебя.

– Лор... – проямлила она. – А что ты тут делаешь? Разве тебе не лучше лежать в постели?

– К сожалению, боль в ребрах никак не может заглушить мое волнение и тоску.

Тьфу, хоть бы не подавиться этой сопливой чушью!

– Тоску?

– Лежа в постели, я ведь не могу видеть тебя. – Ага, до тех пор, пока сам тебя в нее и не опрокину. – И вот я брожу здесь, чтобы ее унять, но зачем ты вышла в такой поздний час? Заметила меня, неприкаянного, в окно?

– Нет. – А я-то думал, что покраснеть сильнее невозможно, но у девочки, похоже, особые таланты. А еще и идиотская привычка вечно в чем-то чувствовать себя виноватой, даже в том, что у нее не было времени и сил пялиться в окна, высматривая меня. – Мне нужно закончить еще дела.

– Но как так-то?! – изобразил я праведное возмущение. – Ты работала без передышки весь день и еще должна? А как насчет твоих братьев?

– Не нужно. – Она втянула голову в плечи и оглянулась на дом. – Мне не трудно. Что там – лошадям сена задать да попоить? Ерунда же.

Да что же ты такая вся покорная, аж тошно!

– Ладно, идем! – решительно взял я ее за руку, и она вздрогнула, будто я ее обжег, а по мне опять прокатилась волна нехорошего торжества. Реагируешь. И на такое мизерное прикосновение реагируешь, мелкая глупышка. Вся ты с потрохами уже моя, почти подо мной. Приятное, однако, чувство – точно знать, что уже одержал победу.

Заведя в конюшню, усадил на тюк соломы и схватился сам раздавать корм, кривясь от якобы больных ребер. Ох, как же она кинулась у меня отнимать вилы – ну чисто орлица на защите своего орленка. Вот оно, проглянуло только краешком, а я аж оторопел. Словно не невзрачная покорная Летэ передо мной, а яростная хищница, что до обидного быстро обратно спряталась, испугавшись собственной дерзости.

– Я работаю – ты рассказываешь мне о себе! – безапелляционно заявил я, усаживая ее на прежнее место.

– Обо мне? Но что? – ошарашенно проблеяла она.

– Что угодно! Мне все интересно.

– Теперь я не выйду замуж за Мариса, – пожав плечами, с безразличием констатировала девушка.

После нашего возвращения и моего, безусловно, заслуживающего доверия рассказа о нападении на бедную парочку каких-то мерзавцев все местное воинство в количестве аж пяти человек, с почти одинаковыми пивными брюхами, кинулось на поиски злоумышленников. Отчим же Летэ гаркнул ей подготовить для постояльца с такой тугой мошной, как я, лучшую комнату, не удосужившись и для вида спросить, в порядке ли она. Зато у меня скользковато тихонько поинтересовался, в каком положении я застал его «любимую доченьку» и не «успели ли сотворить над ней чего дурного». Ну да, надо же выяснить, порчен ли уже товарищ или можно подыскивать еще варианты нажитья.

– Опечалена этим? Любила его? – Чихать мне на это, но разговор поддержать вокруг ее персоны нужно.

– Нет. Ни я его, ни он меня, – легко отмахнулась девушка, а мне вроде как и вдохнулось легче.

– Так зачем же он тебе вообще сдался? Неужели ты с таким, как он, свою жизнь видишь?

Летэ помрачнела, опустила голову, уходя в свои мысли, посидела так с минуту. Резко вдохнула, вскидываясь, словно что-то готово было сорваться с ее губ, что-то такое, что заставило ее на миг стать той, уже проглядывавшей за маской равнодушного смирения загадочной девушкой, но она явно одернула себя, потухая, и я не выдержал:

– Скажи мне, Летэ! – Понятия не имею, отчего так захотелось узнать, что в ее голове.

- Вы...

- Ты.

- Ты сочтешь меня чокнутой, - пролепетала она, опять краснея.

- Только не я! - Шагнув ближе, сел перед ней на корточки, заглядывая в глаза с видом восхищенного и готового внимать любой бабской херне придурка. - Посмотри на меня, ты можешь мне верить!

Можешь, можешь. Иначе как я тебя поймею во всех смыслах?

- Мне постоянно кажется... ну, что вот это все будто не моя жизнь. - Она посмотрела неожиданно прямо, отчего за ребрами неприятно кольнуло. - Не знаю, как и объяснить-то. Ну как если бы все вокруг меня какое-то неправильное, ненастоящее, что некоторые люди... они не те, кем кажутся, и все это... работа изо дня в день, каждое мое движение... они бесполезны, что ли. Что бы я ни делала, это словно все не то... Ерунда какая-то, в общем. - Зажмурив глаза, она замотала головой, отчего из косы высвободилась яркая прядь, и я без единой мысли потянулся ее поправить.

- Не ерунда, говори все, Пушистик! - Ты ведь даже не представляешь, насколько права, и твоя интуиция тебя не обманывает, в отличие от меня. Это не твоя жизнь, не твоя работа, а все люди, что тебя шпыняют, не имеют значения, скоро ты над ними возвысишься, и в следующий раз они станут почтительно гнуть перед тобой спину, если вам еще суждено встретиться или если они в принципе люди. Потому что в ином случае ты будешь той, кто вынесет им смертный приговор.

- Пушистик? - одними губами произнесла Летэ, цепенея, когда я повел пальцами по ее щеке.

- Да, такая прекрасная, такая нежная. - Зараза! Что там еще несут в таких случаях? - С первого взгляда в сердце мне запала.

- Я? - Как бы у нее глазищи эти голубые из орбит не выскочили.

– Ты, Летэ, ты! Ты у меня здесь теперь! – Схватив ее ладонь, прижал к своей груди, а мой зверь почему-то изумился, сначала отшатываясь, но потом сдуру рванулся навстречу. Цыц, скотина, не она это, просто забава все! Размечтался! – Станешь моей, Пушистик?

– Как – твоей? – Она уже и не дышала.

– Уезжай со мной прямо сейчас. Уже завтра к вечеру будем в Камьюсе, а там и до моей вотчины день пути.

– Но... – А ну не смей задумываться и срываться с крючка, курица полупьяная!

– Я не для позора тебя зову! Женой моей будешь! – И пока рот раскрыла возразить, потянул на себя, одаривая самым первым в ее жизни поцелуем. Работал языком и губами на славу, так, чтобы наверняка одурела, и сам не заметил, как увлекся, чуть не заскулил, как потекшая сучка, отрываясь, потому что попытаться завалить ее прямо тут, рановато будет. Но захотелось. Да так, что аж запекло огнем в паху и пальцы скрючило, а зверь заскакал внутри припадочной белкой, обожравшейся забродивших ягод.

– Поехали со мной, моя Летэ, и я сделаю так, что никогда ты больше не познаешь обид, на руках тебя носить буду! – И подхватил ее, хоть и так видно: поплыла, ошалела, согласилась.

– Поехали... Я за тобой куда угодно, – прошелестела она, как замороженная потянувшись за еще одним поцелуем, а в широко распахнутых глазах – море доверия и обожания, в котором мог бы плавать, заныривая с головой. Надежда такой величины и яркости, что легко затмила бы солнце.

Ну вот, осталась самая малость – расхреначить эту ее надежду, обращая ее сияние во тьму.

– Ты в своем захолустье совсем умом оскудел? – язвительно спросила Летэ. – Третий раз одно и то же.

Посмотрите на нее, давно ли сама столичной штучкой стала? Кто тебя, дрянь, из той дыры в нигде вытащил?

– С моим разумом все в порядке. Но вот теперь я точно знаю, что ты тронулась, – огрызнулся я, всматриваясь в ее лицо в поисках подвоха. Хотя о чем это я? Она сама по себе подвох, и это если подбирать цензурную формулировку. – Если уж умудрилась где-то разнюхать о Бессмертном, то должна и знать, что взять и явиться к нему нельзя. Можно быть только им призванным, но такого не случилось уже лет триста!

– И кто за эти годы действительно пробовал? – оскалилась она в ответ. – Идиоты-одиночки, искавшие в его землях всякие способные обогатить или наделить их особым магическим даром чудеса? Меркантильные мерзавцы, искавшие благ только для себя.

– А ты у нас прямо вся из себя праведница, что хочет туда попасть исключительно ради всеобщего спасения, радетьница за судьбу государства и всех его жителей, – глумливо фыркнул я.

– Не вижу повода для твоей язвительности, Лор... прим Лордар, – с новым, насмешливо почтительным кивком произнесла она. – Разве и ты сам, и каждый в Страже не занимался тем, что едва ли не ежедневно дрался и проливал свою кровь ради благоденствия страны и простых обывателей.

– Чужую кровь нам случалось проливать куда как чаще. – Чувствуя себя противно уязвленным, я уселся обратно на стул, прожигая ее издевательским взглядом. – И ты еще мне начни тут про долг и честь задвигать. Насколько мне помнится, вас, Зрящих, отнюдь не добровольно заставляют служить в Страже, и уж ты как раз сопротивлялась этому ой как долго.

И тут меня осенило, и я уставился тупым бараном на ее шею.

– Где твой проклятый ошейник? – подался вперед, только сейчас осознав, что в ней казалось все время не так: тонкая вязь магической удавки, после надевания превратившаяся в обычную на вид изящную бледную татуировку, исчезла. – Как

ты смогла освободиться?

Я безмозглый озабоченный болван, думавший стояком с момента ее появления, если сразу не допер именно этим и озадачиться в первую очередь. Как она могла бы сбежать из столицы и ускользнуть из цепких грабарок магов, если им ничего не стоило притащить ее обратно на этом самом волшебном аркане, как тащат на поводке ленивую псину за лошадью? Как она смогла убить Первого – если и правда это сделала – когда любая попытка проявить агрессию к магу должна была закончиться для нее удушьем и даже смертью?

Бросившись вперед, я опрокинул не успевшую и пикнуть Летэ спиной на кровать и навалился сверху, сдавив шею одной рукой.

– Что задумали эти сраные волшебники? С кем из них ты в сговоре? Под что ты хочешь подвести лично меня? Или это касается всех двуликих? – Тряхнув, я сжал ее горло сильнее, не позволяя взбрыкнуть и лова метящие мне в глаза скрюченные пальцы.

Мерзавка захрипела, закатывая глаза, и вдруг обмякла, вырубаясь, а мой зверь с такой недолбенной дурью шарахнул изнутри по каждой мышце и нерву, защищая ее, что я сам чуть рядом с ней не приснул, падая мордой вниз, щека к ее щеке.

А мохнатый подхалим тут же рванул наружу, желая хоть на мгновение притереться к ней, ладони облизать, хвостом покрутить, едва не делая лужи от счастья, как щенок, и я успел его осадить лишь чудом. Но от усилий и ее ненавистной близости затрясло так, что аж зубы застучали. Уткнулся носом в изгиб ее шеи и стал хватать запах не только ноздрями – хапать открытым ртом, всей кожей впитывать. Лежит она, бесчувственная, расслабленная, только тряпку содрать и ноги раздвинуть... К бесам! Это все равно что мертвую иметь, нет дела, что очнется и в рожу ногтями и зубами вцепится, в нее и вот такую, суку клятую, хочу так, что нутро будто раскаленными камнями набили и перемешивают, позвоночник в пояснице гнет, как под пыткой, а член сейчас просто лопнет. До какой же я степени жалкая скотина, причем я-человек, потому что зверь-то о ней такой больной, несчастной заботиться хочет, беречь-лечить-кормить-сон стеречь, а не драть остервенело, пока сам дышать не смогу и она уже в изнеможении не в состоянии будет ни разу взглядом меня ненавидящим обжечь.

Я не встал с нее – тупо сполз, содрогаясь всем телом, с унижением осознавая, что до того дошел: сожму стояк через штаны разок – и кончу до искр из глаз вот прямо так, на коленях, в рабской позе у ее ног. Столько лет убил, запрещая себе думать о ней, вспоминать, представлять ее, трахая других, а вот она приперлась, и еще и суток нет, а я уже едва не при смерти от похоти. Словно и не забывалось ничего, не стиралось, а, наоборот, копилось, собиралось, росло и еще чуть – и порвет меня к бесам.

Сгреб с пола ее одежду и бросил в огонь. Выпотрошил сумку, нашел карту и кошель, и хотел уже тоже отправить в камин, как вдруг заметил, что на дне что-то блеснуло. Тряхнул, извлекая на свет тусклый ободок тонкого серебряного браслета с черненой вязью незамысловатого узора, и загривок опять вздыбился от болезненных воспоминаний. Дешевая побрякушка – мой первый и единственный подарок глупой девчонке Летэ, заставивший тогда ее глаза сиять таким ошеломляющим счастьем, будто я ей весь мир на ладони преподнес, а не кусочек металла, сделанного каким-то криворуким ремесленником. Вот когда я впервые испытал нечто похожее на гремучую смесь стыда и тревоги, но не послушал своих инстинктов, не остановил всего дерьма, что случилось дальше. Но чего уж теперь вспоминать.

Уже замахнулся кинуть дурацкую вещицу в огонь, но вместо этого сунул в карман и, быстро обувшись, пошел искать Гаррета. Естественно, нашел его в постели сразу с двумя девками, одна из которых гарцевала на нем, а другая ерзала на лице. Вот никогда не понимал, что за удовольствие облизывать рот и остальные части тел, где побывало количество членов, с трудом поддающееся подсчету.

– Свалили! – рыкнул девицам, проигнорировав предложение присоединиться.

Благодаря давней встрече с моей «горячо любимой» парой и так-то секс другими бабами для меня стал едва ли намного приятнее самоудовлетворения, но я как-то с этим гадством свыкся, но вот теперь, когда ее близости да запаха нахапался до одурения, от перспективы таранить в поисках облегчения чье-то тело, на месте которого хоть завяжи глаза и заткни нос не смогу представить ее, почти выворачивало.

Ни хрена мне больше никакие подделки не нужны, я Летэ получил, считай, так что каждую каплю своего вожделения в нее заколочу, залью, никаких поблажек ни ей, ни мне.

Взяв свою сумку со сменной одеждой, которую всегда и всюду было принято с собой таскать двуликим на случай спонтанного обращения при неизбежных конфликтах, я велел бейлифу собираться.

– Далеко? – поинтересовался он, ополаскивая свое хозяйство в тазу, стоявшем на тумбе, как только за проститутками закрылась дверь.

– В столицу. Поедешь устраиваться на службу в Стражу, – ответил я, прикидывая, что будет проще: везти до моего дома Летэ верхом или оттащить на себе.

Нет, вряд ли при ее повреждениях переть, как куль с мукой, на плече – удачная идея. Вон только чуть прижал, и вырубилась от боли. Но перспектива сохранять полный физический контакт всю дорогу так прельщала, что решил: поедем-то мы на лошади, да только вдвоем на одной, и тереться ей об меня несколько часов кряду, никуда не деться. Ясное дело, и мне мучение, но я паинькой быть не собираюсь – стану лапать, пусть сразу привыкает.

– Я должен устроиться или только попытаться? – сразу перешел к делу Гаррет.

– Попытаться. Покрутиться среди наших и вынюхать все слухи и официальные новости. Только по-быстрому и потом бегом назад. И ни слова о том, что у нас соизволит гостить Зрящая.

– А она гостит?

– При желании это и так можно назвать, – оскалился я самодовольно.

Вот только отказаться от моего гостеприимства я ей позволять не намерен. Никогда. Раз нет ошейника, то возвращать ее магам я не обязан. Сбежать самой не дам, попробует кто сунуться за ней – положу всех.

– Лор, а правда, что столичные аристократки все поголовно не прочь получить в постель двуликого? – спросил он, уже стоя в дверях.

– У тебя на это времени не будет, идиот озабоченный.

- Как будто на такое его нужно много, - заржал он.

- Тогда потрать его лучше на столичных шлюх - удовольствия получишь больше, уж поверь, - напутствовал его я.

Сам потрусил к местному торгашу лошадыми, подняв того с постели. Он пробовал бурчать о неурочном часе для покупки, но одного моего взгляда хватило, чтобы напомнить, где его место и кто здесь хозяин, и заткнуть. Прикупив крупного жеребца и удобное седло, я вернулся к Фелио и застал Летэ уже сидящей и флегматично поглощающей уцелевшие после моего нападения остатки еды.

- Одежду жечь было обязательно? - прищурилась она в мою сторону.

- Терпеть не могу видеть тебя в том наряде шалавы, - ответил, бросая ей на колени сверток со своими же запасными штанами и рубашкой.

- Навевает воспоминания? - ухмыльнулась она.

Еще как навевает, как ты, зараза, крутила задницей перед каждым пускающим слюни самцом, делая вид, что меня и вовсе не существует. Больше такого не будет.

- Одевайся, мы уезжаем прямо сейчас, - приказал ей. - Нечего тут светиться. Станешь жить в моем доме, пока я выясню, правду ли ты мне сказала и не очередная ли это попытка с твоей стороны как-то мне нагадить.

- Что насчет похода к Бессмертному?

- Если выяснится, что ты не соврала ни в чем, то он состоится, пусть я и понятия не имею, чего собираешься этим добиться.

- В твоём доме, с тобой? - уточнила Летэ.

- Конечно со мной, - усмехнулся я, проходясь по ней похотливым взглядом с головы до ног. - Со мной, подо мной, на мне, передо мной на коленях или на четвереньках. У нас впереди сплошное разнообразие, дорогая, и масса

неиспробованных способов вышибить друг из друга дух удовольствием.

– Я ведь даже не хочу тебя – не противно? – вскинула она упрямо подбородок.

– Противно, Пушистик, и от этого противно, и от знания, сколько же тебя драло мужиков до меня, но я как-нибудь это переживу. Я ведь бывший Страж, а мы привычные преодолевать многое. Даже понимание, что моя истинная пара – гулящая дрянь.

– Гулящая дрянь, что готова добровольно дать любому, но не тебе, – хлестнула она в ответ, и мои челюсти сжались до хруста.

Глава 8

Десять лет назад

– Ой, что ты... – запищала Летэ, когда подхватил ее на руки, взбегая по лестнице дорогого постоянного дома, где мы остановились ближе к ночи следующего дня.

Само собой, она была готова вскарабкаться на моего жеребца, стоило лишь разок предложить побег из ее унылого существования. Вот что за дура, даже не сомневалась ни в чем, поугovarивать себя не заставила, минуту бы поломалась, допустила бы хоть мысль, что я могу оказаться подлецом, ведь в отношении нее я он и есть.

– Обещал же на руках тебя носить, – тихо рыкнул, скрывая копившееся весь день раздражение от навязчивого, не отпускавшего всю дорогу странного возбуждения, но не только его одного.

Никакие усилия отвлечься от того, что при каждом шаге коня она терлась об меня повсюду, не срабатывали. Контакт с ее телом ощущался небывало остро: невзирая на всю нашу одежду, меня заводило так, как если бы она голышом

приглашающе елозила задницей прямоком по моему гудящему, как проклятая труба последнего дня, стволу. А Летэ знай себе лупала по сторонам восхищенными глазищами, будто мы не по унылым полям-лесам ехали, а по мифическим садам фей прямоком в страну радужных фантазий. Улыбалась, то и дело оглаживала нежно мои удерживающие ее и поводья руки. Подставляла губы под поцелуи, не соображая, как близка к тому, чтобы вмиг очутиться на земле на четвереньках со мной, погруженным в нее по самые яйца.

А еще она болтала, точнее, щебетала, несла какую-то чушь, похоже, пересказывая мне свою однообразную жизнь сколько себя помнила. Если бы я еще и слушал. Все мое терпение уходило на то, чтобы не приказать ей заткнуться, потому что бесило... то, что ее голос мне нравился. Без всякого вникания в смысл сказанного, просто так, самим звучанием, так, словно протарахти она рядом хоть вечность, мне не захочется заткнуть ее, пусть обычно считал, что женщине стоит открывать рот, только если она собирается мне отсосать. А тут – ничего подобного, ее голос – как умиротворяющее журчание ручья или ненавязчивые посвисты пробудившихся после ночи в лесу птиц, причем даже мой зверь, казалось прикинув к самой моей коже, прилег, жмуря довольно глаза и постукивая без остановки хвостом, как неприкаянная дворняга, которую кто-то вдруг досыта накормил. Что, однако, никак не мешало копиться по нарастающей желанию поймать ее. Скорее бы это все уже закончить. А то еще втянусь в роль хорошего парня, целующегося без конца, как идиот-девственник, и ни разу не облапавший то, чем меня готова одарить эта невинная овечка. То же мне, подарок, из разряда возьми и выкинь.

– Какая же красота! – шокированно прошептала Летэ, озираясь по сторонам на всю окружающую позолоту, зеркала и светильники из бронзы. – Тут и дотронуться до чего-нибудь страшно.

Да ладно тебе, это ты еще личных покоев для Зрящих никогда не видела. Вот где роскошь и любой каприз. Сраная компенсация за то, что жить тебе недолго и в клетке и никогда больше не распоряжаться своей судьбой.

Конечно, я мог устроить сеанс превращения ее в женщину и следом в Зрящую хоть в стогу в чистом поле, она бы и слова против не сказала, видно же. Но не такая же я скотина: если уж лишать женщину невинности, то среди роскоши и на шелковых простынях. Ладно, такая я скотина, такая, хочу ванну и комфорт для себя изначально, ведь и у меня нетронутая будет в первый раз, а это та еще морока, так что хочу расположиться с удобствами. Разложить ее на простынях,

пахнущих сухими цветами и травами, а не дешевым мылом, воняющим жиром и золой, или моем же дорожном плаще, из которого еще потом попробуй выведи аромат того, что неизбежно случится.

- Тебе ничего не должно быть страшно, когда я рядом, Пушистик, - ответил, толкнув ногой дверь, и она снова удивленно охнула.

Да, смотри и запоминай, дорогуша, именно на этой громадной кровати ты расстанешься с девственностью.

- Здесь только одна кровать, - смущенно пробормотала Летэ. - О, но я могу поспать и на той кушетке.

Да сейчас! Еще я на этом безобразии не корячился... хотя... смотря как тебя на ней пристроить. Нет, не в первый раз уж точно... а других у нас вроде как и не планируется. Разве что мне очень уж понравится, и тогда... Нет. Нет, ни за что. Пусть дальше ее окучивают другие, а я вернусь к моему обычному образу жизни и бабам, готовым мне угодить за звонкую монету.

- Ты не веришь в то, что я могу вести себя достойно, если мы ляжем в одну постель? - Слова и театральное оскорбленное выражение лица - от одного, а вот злость - настоящая, и совсем от иного. Кого ты выберешь своим следующим любовником, а, Летэ? - Как же ты собралась связать со мной жизнь, если не можешь решиться на сон рядом?

Вот же дура, сразу едва не слезы из глаз от раскаяния и стыда, и затараторила что-то про то, что на все, всегда, для меня... Да когда тебе козлище вроде меня говорит такое, ты должна ему врезать по колоколам и сбежать, оставляя его корчиться за эти грязные манипуляции, а не соглашаться на все! Ничего, пару раз мужики поимеют и кинут, и научишься... что бабе вообще не стоит ноги ни перед кем раздвигать и позволять влезть в душу, а лучше вообще монахиней жить. Почему клятые маги не запретят Зрящим эти чрезмерные вольности в постельных забавах? Кого хотят, того к себе и тащат, вот что под конец Тече вытворяла. При мысли о таком же поведении Летэ... мне хотелось что-нибудь разрушить, и злость так и перла наружу. Пора проходить этот предпоследний этап, а то от напряжения уже ум за разум заходит и мозги подпекает.

Пара часов, поочередное целомудренное купание в роскошной ванной, еда, какой не пробовала в жизни, немного вина, что гораздо крепче, чем могло показаться, и вот Летэ уже лежала подо мной, с открытой грудью, дрожащая, с опьяненным отнюдь не алкоголем взглядом, стонущая и ерзающая совсем не сдержанно, пока я терзал ее соски губами и зубами. Все же сиськи у нее замечательные – так бы и терся-лизал-кусал их ночами напролет, с торжеством наблюдая, как она взбрыкивает, вскидывается, вцепляется мне в волосы и скулит, прося сама не зная о чем. Пока не зная. Скоро молить будет вполне осмысленно, пусть и не меня. Эту науку усвоить несложно.

А ведь договор был лишь об одном поцелуе на ночь. У самого в голове плыло знатно, хоть вино лишь пригубил для вида, а состояние – будто бочку вылакал. Вело всего от аромата ее влаги, потряхивало от потребности содрать эту тряпку с Летэ, подмять, разом раздвигая ноги бедрами, и рывком, сразу, внутрь, до пошлого шлепка яиц об ее мокрую плоть. Членом уже дыру в матрасе пробил, но все целовал, гладил, вился вокруг, как щенок, что не знает, куда в женщине надо пристраивать свой болт. Но любому терпению наступает предел, и я своего достиг, когда Летэ уперлась пятками в кровать и взвилась дугой, стоило лишь мне ладонью накрыть ее лобок и безошибочно найти между припухшими складками нужно место. Одно настойчивое касание – и вот она уже кричала мое имя, забившись, царапая плечо, и без единой мысли в голове я в следующую секунду уже опустил между ее ногами. Ничего уже не разделяло нас, все исчезло, ничего не существовало больше в этот последний момент, а первый же бросок вперед соединил в болезненном для обоих, но таком сумасшедше важном таинстве. Так тесно, что аж дико мучительно. Так горячо, что едва не сварился заживо. Я брал у нее то, что больше не получит никто и никогда, брал с остервенением и без жалости, ибо это она отдавала добровольно, а я, кажется, до смерти желал это получить, так, словно лучше сдохну, нежели остановлюсь или хоть сбавлю темп. Зверь бесновался и выл в торжестве, изгибая позвоночник в бешеных толчках, вторящих моим, тот самый зверь, что до сей поры брезговал любой, кого я трахал, ибо все они не та самая. Глаза жгло от льющегося ручьем пота, легкие сгорали все сильнее с каждым новым вдохом, наполненным запахом пота, секса, крови, а Летэ неожиданно стала бескрайним глубочайшим океаном, в котором я тонул, захлебывался, задыхался, но орал от восторга, неизведанного прежде, до этого сумасшедшего утопления. И упал в оргазм, провалился до дна, выпал из своего тела на краткие мгновения, чтобы, рухнув назад, осознать, что разбит на куски и собран заново, в совершенно неизвестном мне порядке. Таращился еще почти незряче на улыбающуюся сквозь слезы Летэ подо мной, понимая, что следующим, самым естественным действием видится опустить голову и оставить метку на ее плече, что свяжет нас навечно. И

осознать это – будто получить пинок в живот и прыгнуть в ледяную воду одновременно. Что это я только что чуть не сотворил? Скатился с нее и вскочил на ноги, преодолевая буйство зверя, что требовал вернуться и закончить. Ты совсем ополоумел, тупая скотина? В тебя бес вселился, что ли? Какие метки этой девке?

Мою борьбу со второй сущностью оборвало появление Реоса и остальных стражей, как и было заранее оговорено. Брат скалился во весь рот и громко аплодировал мне, а остальные глумливо присвистывали при виде кровавых разводов на бедрах Летэ, что она принялась судорожно прикрывать вместе с еще дрожащим телом, ошарашенно глядя на всех.

– Братишка, это было просто нереально быстро! Одни сутки – и девка уже под тобой! Да ты красавец! – цинично заржал он, одобряюще хлопнув меня по плечу, но я четко видел тревожно вопрошающий огонек в его глазах. – С меня выпивка и деньги на шлюх весь следующий месяц.

А еще вдруг почувствовал удушье от бешенства, от того, как все они стоят и плятятся, а Летэ съезживается, становясь такой крошечной и беззащитной посреди этой огромной кровати. Будто удалялась от меня с невероятной скоростью, ускользала в никуда, пока на ее лице проступало понимание произошедшего. И за это нужно, ох как нужно кого-то убить. Сослуживцев, брата, себя.

– Ну и как она? Советуешь попробовать? – продолжил спектакль брат, и вот тут Летэ взвилась на ноги, забывая о своей наготы, и стала пятиться к изголовью. – Или не стоит и мараться? Потом еще кровь с члена отмывай.

Мои руки судорожно сжались в кулаки, а лицо перекосило в попытке изобразить пошлую ухмылку.

– Попробовать стоит всегда и каждую из них! – Слова продрали глотку, как острые камни, а все потому что на самом деле изнутри рвалось: «Стоп! Хватит! Убирайтесь все!»

– Так и должно было быть, Лор? С самого начала для меня только это? – Голос девушки скакал, был то хриплым, то ломко-звонким, и она смотрела только на меня, не замечая больше никого, как если бы еще отчаянно старалась удержать

тончайший мост между мной и ею. Мост, которого никогда и не было, но в те мгновения секунд она его построила и подперла своими хлипкими плечами в одиночку, давая шанс... нам.

Но разрушительная лавина, что призвана была погresti его под собой, была уже запущена.

– А чего ты ожидала, глупая деревенщина? Что такой, как Лордар, мог выбрать тебя для чего-то, кроме сиюминутной забавы? – Реос снова цинично расхохотался, и на этот раз мои кулаки сжались от потребности вбить этот смех ему в глотку вместе с зубами. Своему единственному родному брату. Из-за какой-то девчонки. – Да не реви ты, не трагедия небось! Обслужи нас всех, и мы замолвим за тебя словечко местному хозяину. У него свой штат шлюх, будешь всегда сыта-одета-оттрахана, от свежего мяса он вряд ли откажется.

– Лор! – Голос Летэ стал напоминать хрип раненой, от которого все нутро похолодело, и она как-то странно деревянно выпрямилась, словно кто-то насильно растянул ее позвоночник. – Все правда?!

Не найдя в себе смелости ответить, кивнул, как самый последний трус, и сразу в нас всех шарахнуло тугой волной силы, раскидывая к стенам, как ветошь. Ступни Летэ оторвались от кровати, ее выгнуло под каким-то невыносимым углом, руки ее раскинулись, из горла вырвался совершенно нечеловеческий вопль, а каждый сантиметр кожи пронзили острые, черные, напоминающие смертоносные иглы лучи рвущей ее изнутри тьмы. Стены, потолок, пол, мебель, наши кости трещали от безумной силы этого темного урагана, и оставалось лишь, сцепив зубы, переждать первую волну. Она никогда не могла быть долгой, человеческое тело не готово было сразу к длительному напору такой мощи потусторонней сущности, а вот до второго прилива ее уже следовало доставить к магам, что обуздают и приручат, не дав поддаться тьме полностью.

Все исчезло так же внезапно, как и появилось, оставив нас временно оглохшими и в таком разреженном воздухе, как на огромной высоте в горах. Новая Летэ рухнула на кровать, и уже угольно-черные, а не прежние медно-красные волосы укрыли ее лицо.

– Получилось! – рванул к ней Реос, ликующе зыркнув на меня, стоявшего приросшим к полу и отчего-то желавшего сдохнуть на месте, потому что мое

сердце стало каким-то тяжеленным камнем, молотящим в пустом ведре за ребрами. – Все хорошо! Прости нас, девочка! Все закончилось!

Он укутал ее в простыню, поднимая на руки и скалясь счастливо, а мне становилось все хуже и хуже.

– Отдай! – рявкнул я, подступая к нему и выхватывая Летэ из его загребущих лап.

Она не обняла меня за шею, просто извернувшись, сползла, встав на пол, и только тогда начала медленно поднимать ко мне лицо. Зверь дошел до иступления, ожидая встречи наших взглядов, и понимание того, кто же она для меня, окончательно обрушилось, сбивая с ног, едва они столкнулись. Боль в груди превратилась в острую и просто невыносимую, все вокруг исчезло, растворилось, теряя хоть какое-то значение. Ничто не было важнее, чем не отпускать, не терять этот контакт наших глаз. Даже раздражающий крик брата.

– Ах ты дрянь! Да как посмела! – Он дернул Летэ от меня, отбрасывая в руки остальных стражей, а я ломанулся вперед, готовый угробить их всех, но колени подогнулись, а поток чего-то горячего полился по моему торсу.

Глянув вниз, увидел рукоять кинжала Реоса, торчащую из моей груди, и угол моего зрения стал стремительно сужаться, а звуки удаляться. Вскинув голову, я запечатлел в своем сознании последнее: бледное, оскаленное в мрачном торжестве лицо моей истинной пары, что продемонстрировала мне свою окровавленную ладонь, и как же она была неописуемо прекрасна даже такой.

Глава 9

Заниматься такой ерундой, как завязывание глаз Летэ, я не собирался. Ночь глубокая на дворе – особых примет дороги она не запомнит, но ведь Зрящей этого и не нужно. Есть у них способность «чувять» нужный путь, когда случается такая необходимость. Так что попробует убежать – просто догоню.

В седло она постаралась забраться, опережая мою помощь, несмотря на то, что у нее аж лицо от боли перекошило, и выдохнула сквозь зубы со свистом. Ничего, любой навык, в том числе и принимать столь ненавистную ей помощь от меня – лишь дело привычки. Смирится и с этим, и с тем, что придется переносить мои прикосновения, не шипя ядовитой гадюкой, как сейчас, когда я запрыгнул сзади и бесцеремонно расположил руку на ее талии.

– Вернемся к моему вопросу о том, как ты ухитрилась избавиться от ошейника, – сказал в самое ее ухо, не отказав себе в удовольствии пощекотать мочку губами и глотнуть аромата. – И ты же понимаешь, если станешь лгать – я это учую, в такой-то близости.

Пустив коня пока быстрым шагом, я нарочно расположил ее так, чтобы травмированная сторона как можно меньше сталкивалась с моим телом. Потеряет опять сознание, и где тогда веселье в пути? Насколько помню, магическая удавка должна была начать придушивать Зрящую даже при допущении агрессивных мыслей относительно тех придурков в балахонах, не говоря уже о том, чтобы предпринимать конкретные действия относительно них. Учитывая, что эффективнее всего прикончить одержимого можно точным ударом в сердце, и, вероятнее всего, так и произошло, ибо кто бы предоставил ей время для повторной атаки, моей пленнице нужно было приблизиться к Первому с оружием и четким намерением убийства в голове, а от этого она должна была сразу упасть к его ногам и корчиться из-за нехватки воздуха.

Летэ сначала сидела как деревянная, но после моего провокационного касания вдруг расслабилась, откидываясь на мою грудь спиной, и повернула голову, так что наши губы оказались в паре сантиметров.

– Это вышло случайно. Нападая на Первого, я не планировала выжить, знала, чем это грозит, – говорила она о диких вещах, но при этом с таким дразнящим придыханием, что меня опять от макушки до паха прострелило. Ну и кто кого тут провоцирует? – Было, конечно, жуть как больно, но ошейник меня не убил. Предполагаю, что дело тут в том, что Первый стал одержимым, а значит, утратил большую часть тех магических качеств, защищать которые должна эта удавка. В любом случае заметила я его исчезновение не сразу, как-то не до того было, и особенно об этом не размышляла.

Из-за одуряющей близости ее рта и выдохов, жгущих мой собственный, пришлось буквально себя заставлять разбирать ее слова, как если бы она

говорила на языке, лишь отдаленно созвучном со знакомым. Но достаточно было встретиться с взглядом Летэ из-под ресниц, презрительным и холодным, открыто вещающим о том, что она прекрасно осведомлена о производимом на меня эффекте, и меня сразу как попустило.

– Не верю я в то, что Первый мог поддаться одержимости, – безапелляционно заявил ей, хотя сомнений у меня становилось все меньше. Вот зачем бы ей придумывать нечто настолько безумное, тем более что проверить ничего не стоит. Ну а, с другой стороны, не насрать ли мне, правда или нет? Моя пара, освобожденная от прежних нерушимых оков, явилась ко мне. Все. Конец истории. Жив там Первый или помер, преступница она или действительно спасительница невинных, придется тащиться в вотчину Бессмертного или же прятать ее от всего мира – мне без разницы. Она попала в мое владение, и никакие внешние обстоятельства этого не изменят, я или сдохну, или удержу ее.

– Я к тебе не завоевывать доверие пришла, – чуть дернула плечом Летэ, отворачиваясь, но я тут же вернул ее голову в прежнее положение. Пусть и тошно, что пялится так ненавидяще, но это всяко лучше полного игнора. – Ты спрашиваешь – я отвечаю, а с этим знанием поступай как хочешь.

– Очень недальновидно с твоей стороны брать в союзники кого-то, кто сомневается и в твоей адекватности, и в правдивости, – уязвил я, не скрываясь перехватывая каждый ее выдох.

– А мы с тобой не союзники, прим Лордар, – безразлично отбила она. – Я иду в определенное место в надежде решить возникшую проблему, а ты на этом пути лишь наемник, озвучивший свою цену, которую я согласилась заплатить.

Мгновенно озлившись, я поднял руку с ее талии и сжал грудь. Сильно, скорее всего, даже причиняя легкую боль, но самому было куда больнее от такой извращенной смеси собственного удовольствия от прикосновения и выражения отвращения, появившегося на ее лице. Терпи, Летэ, терпи и привыкай, ведь как бы ты сейчас ни гримасничала, я знаю, что судьба не сводит в пары существ, между которыми нет идеального совпадения хотя бы на физическом уровне. Запрещать себе ощущать к кому-то желание, посыпающее тлеющими углями нутро, – это одно, а не испытывать его на самом деле – совсем другое. Уж мне ли этого не знать.

– Что-то я согласия от тебя так и не услышал.

– Я же здесь.

– Потому что деваться тебе некуда, Пушистик. – Прикусил кожу на ее шее и лизнул, ловя языком участившийся пульс и едва уловимое содрогание и поднимая градус самоистязания.

– Выход всегда находится, если поискать достаточно тщательно и не бояться рискнуть, – огрызнулась она.

Нет, Летэ, на этот раз выхода для тебя не будет. Нащупав ее сосок, пропустил его между указательным и средним пальцем, начав легонько покручивать и натирать.

– Слова, которые ничего не значат, но вселяют в тебя иллюзию, что ты не утратила контроль над ситуацией? – нарочно сильно выдохнул во влажный участок кожи, получив новую волну дрожи, и сдержал торжествующий рык, ощутив, как вершина съежилась и затвердела моими усилиями. – Показать, насколько ты не права?

Не дожидаясь, несомненно, едкого ответа, настойчиво вложил поводья в здоровую руку Зрящей и бесцеремонно сунул правую ладонь в ее штаны, обхватив лобок. Зараза, какая же она горячая, ладная, охрененная на ощупь, вся под меня слепленная повсюду. Секунду ждал взрыва ее злости, попытки ударить меня в лицо затылком – чего угодно, но Летэ решила изображать из себя ледяную истуканшу. Ничего, кроме едва заметного подрагивания ноздрей, не выдавало того, что она и вовсе замечает мои посягательства. Пусть так, недолго тебе корчить из себя невозмутимость.

Прицелился опять то местечко на шее, огладив между зубами языком, стал все настойчивее тискать ее грудь, одновременно перебирая внизу пальцами, еле еле пока, будто искал идеальное звучание у флейты. Летэ держалась стойко, глядя лишь вперед и не позволяя себе ни малейшего изменения в выражении лица, за которым я алчно наблюдал. Но мой слух, невзирая на оглушительное гудение крови в обоих ошалевших головах, засек ее очевидно зачастивший пульс, да и аромата возбуждения неплотной ткани было долго не удержать, и вскоре он защекотал мое обоняние, заводя до черных мошек перед глазами, до

адской боли в паху.

Превратил укусы на шее в полноценный затяжной поцелуй, что обязательно оставит всем видимый след. Захватил и одарил грубоватой лаской вторую аппетитную округлость, проскользнул пальцем между покорно увлажнившимися складками лона и почти толкнулся внутрь, но, стиснув зубы, запретил себе. Если сейчас войду в нее хоть так, то остановить это безумие смогу, только когда весь и скончаюсь, не раз и не два, а досуха себя исчерпаю, и даром это Летэ в ее нынешнем состоянии не пройдет. А при всей моей годами копившейся на нее ярости не пытаться, убить и не усугубить даже ее повреждения хочу. Мне нужно, чтобы визжала и извивалась от наслаждения, а не от боли, вот только тогда смогу позволить себе торжествовать, ловя осознание этого в глазах моей пары.

Зажал между пальцами ее клитор, стал мять и растирать его, ухмыляясь от все прибывающей влаги и слишком уже явных усилий Летэ скрыть реакцию на мои действия. Как же она держалась! Стиснула зубы, давя все более рваные выдохи, зажмурила глаза, опустив голову и закаменев всем телом. Ничего не выйдет, Пушистик!

Ударил пятками по бокам жеребца, с места послав его в галоп и разбив этим изменением темпа концентрацию упрямой пары. Ее вжало в мою грудь не только ускорением, но и от резкого спазма, выгнувшего ее спину, и наружу прорвалась – таки парочка сдавленных стонов, пока мои пальцы внизу жадно ловили отзвуки внутренних сокращений, становясь совсем мокрыми.

Я самодовольно оскалился, позволяя ей пережить нежеланное удовольствие до конца, и уже готов был вывалить на Летэ нечто вроде поучительно-победной речи, как вдруг она совершенно расслабилась в моем захвате, прямо обвисая, и равномерно засопела. Приподняв, заглянул в ее еще румяное после оргазма лицо и почувствовал себя обворованным болваном. Она уснула. Вот так просто, оставив меня без момента моего первого мелочного триумфа. Ну что за бесова баба!

Что же я с ней вечно получаю не то, что планирую и хочу? Сколько лет представлял, какой будет моя пара, и никогда на ум не приходил кто-то вроде нее. В моих фантазиях она обязательно должна была быть двуликой, роскошной и снаружи, и внутри, такой, чтобы, едва взглянув, ослеп от похоти и понял – она. Уж точно не невзрачная девчонка, какой показалась Летэ на первый взгляд. Моя единственная рисовалась мне дерзкой, едва ли не стервозной, способной меня

на задницу одним словом усадить и заставить вилять хвостом в поиске ее благосклонности. Но никак не глядящей мне в рот и зачарованно и восхищенно ловящей каждое слово, согласной побежать хоть на край света, стоило лишь разок предложить. Мне снилась борьба, искры, что нас спалят, а не покорность и безоговорочное доверие, коего вообще ничем не заслужил. Я же хищник, а не тупой баран, жующий все, что окажется прямо перед его мордой. И тогда, десять лет назад, я отказался видеть все признаки того, кто для меня Летэ, просто потому, что как капризный избалованный мальчишка хотел какую-то другую игрушку. Более яркую, интересную, заводную, хотя мой зверь сразу знал и не молчал. А может, и Летэ знала, по крайней мере, чувствовала, от того и поверила, и пошла за мной без единого возражения, и себя отдала без сомнения. Говорят, люди не способны чувствовать свои пары так, как мы, но умеют влюбляться – мгновенно и сильно, может, это и есть аналог нашего узнавания? И это не моя женщина была тогда глупой и до смешного наивной, а я тупицей, за хотелками и фантазиями, не разглядевшим реальности, что была ей открыта.

Очень похоже, что моим образом для будущей пары была некая квинтэссенция лучшего от всех шлюх, которых я поимел, а простую, доверчивую, с неяркой красотой и кротким нравом Летэ я не хотел признать своей. Ну так вот, теперь она больше не такая. Я получил именно то, о чем мечтал, но отчего же до зубовного скрежета желаю вернуть ее ту, что потерял уже навечно?

Зрящая так и не проснулась за все два часа пути до поселения стаи, и в дом я заносил ее на руках. В груди укололо тревогой – она напоминала скорее бесчувственную, нежели погруженную в грезы, но это в принципе объяснимо. Наверняка была на нервах, пока готовила себя к неизбежной гибели, обдумывая нападение на Первого, потом травма, и физическая, и магическая, потому как ошейник однозначно врезал ей от души, прежде чем исчез, побег. От столицы до моей вотчины – четыре дня пути, если вообще не останавливаться есть и спать, а она так, уверен, и поступила. Поэтому спать она будет еще минимум сутки, а восстанавливаться и всю неделю.

Раздевал ее вялую, как тряпичную куклу, тогда как сам едва не звенел натянутой на грани разрыва струной. Уложил в постель, где когда-то был зачат сам, и вытянулся рядом. Тело болело от напряжения, похоть жрала человеческое сознание, но зверь только что в летаргию не впал, замирая в блаженстве рядом со своей долгожданной парой. Мы еще с тобой повоюем, Летэ, я насчет этого ничуть не обольщаюсь, но сейчас поспим, будто мы нормальные и нет между нами никакой вражды и лет ненависти. Подгрел ее к себе, укладывая и обнимая

так, чтобы не задевать повреждения, и закрыл глаза.

Глава 10

Десять лет назад

– С возвращением в мир живых, брат! – вытащил меня из тьмы бессознательности, наполненной безостановочным воем и стенаниями моего зверя, радостно-нервный голос единственного родственника. – Напугал ты меня, умереть он вздумал. Да еще и от чего? Подумаешь, ткнули в него кинжалом. В сердце-то не попала, мерзавка хитрая.

– Не говори так... – «о ней» не вырвалось из моего пересохшего горла, я зашелся в кашле, а потом и стоне от острой боли в груди.

Проморгавшись, осторожно сел и посмотрел на повязку на своей груди. Летэ действительно ударила меня ножом? Воткнула его между ребрами, желая прикончить, пока я, как болван, бросился ее успокаивать? Та самая робкая, доверчивая Летэ, что с момента встречи не сводила с меня восхищенных наивных глаз, как будто я единственное солнце этого проклятого мира, освещающее и согревающее? Да, так и есть. Рана в груди этому более чем очевидное подтверждение. И боли недостаточно, чтобы заставить меня злиться на нее или назвать ее коварной дрянью. Да, на сотворение из нее Зрящей любым методом у меня был прямой приказ и все полномочия, но поступи кто-то так со мной, я бы тоже убил. Срать хотел бы на чьи-то причины и высшие цели. Нет, виноватым себя почувствовать признание этого факта не заставило, но девушку в моих глазах полностью оправдывало. Никакой обиды и претензий.

– Где девчонка? – просипел после того, как Реос дал мне щедро хлебнуть травяного горьковатого отвара.

– Маленькая дрянь именно там, где и должна быть – закованная едет прямо в ручки к магам, и надеюсь, они хорошенько оттрахают ей мозги, добиваясь

покор...

– Заткнись! – рявкнул я и скривился, поднимаясь все с той же постели, на которой лишил Летэ невинности и, как мне ни поперек горла, но, похоже, обрел свою истинную пару. – Сколько они уже в пути? Какого беса ты отправил ее без моего приказа?

– Эй, брат, потише! – Реос подхватил меня под локоть, словно я девица, готовая рухнуть без чувств, когда мотнуло в сторону при первом же шаге, но я его оттолкнул. – Она тебя пырнула, реально за малым не насмерть, и будь ты человеком, мы бы тебя сейчас хоронили.

– Потому что ты был настолько тупым, чтобы она смогла вытащить у тебя оружие! – обвинил его, хоть вроде и не собирался этого делать. – В следующий раз какая-нибудь девка вскроет тебе горло или яйца отхватит, а ты будешь стоять глазами хлопать! Столько тренировок, и все прахом!

– Прости, я виноват, – со вздохом потупился раздолбай, но я заметил, как заиграли его желваки. Младший всегда был обидчивым и не привык к отповедям с моей стороны, но ничего, стерпит.

– Сколько я валялся? – вернулся я к прежней теме, мотнув головой на его выдавленное извинение. Само собой, стыд он ощущает, но я вечно закрывал глаза на его косяки, так что еще он и бесится. – Вы ничего ей не сделали, кроме как заковали?

– Сутки, и ничего... Так, парни чуть жизни поучили. Пара подзатыльников, – пробормотал брат, отведя глаза.

– Кто давал на это разрешение? Вы все забыли, кто тут патрон? – Рев, рванувшийся наружу, обжег новой болью грудь.

– Никто ничего не забыл, Лор! Ты был не в строю, а значит, полномочия перешли ко мне. И я сделал то, что и было положено, – отправил девку к магам без промедления. В чем дело-то? Ты чего бесишься? Переживаешь, что твою славу ее инициатора кто-то присвоит?

– Реос, это тот самый момент, когда тебе лучше засунуть язык себе в задницу и так и сидеть, брат мой, – процедил я, унимая своего зверя, что вдруг люто возжелал причинить вред родственнику, напоминая, что в моем народе все же всегда ценнее пара и собственные потомки, нежели все остальные.

Пара. Провались все в пекло, но я назвал ее парой. Признал. Откровение из разряда – будь хоть малюсенькая возможность, лазейка, и я бы смухлевал как угодно подло, чтобы это не оказалось правдой, которую не изменить никак, не одолеть. Летэ – моя истинная, и я своими руками пробудил в ней тьму и обрек на магическое рабство. Лишил себя шанса заявить на нее права, ибо то, что принадлежит магам, больше никому принадлежать не может. Или еще не поздно?

– Живее иди седлай наших лошадей! Мы выезжаем немедленно! – велел я Реосу.

– Ты сдурел? – возмутился он, становясь у дверей и подпирая их плечом, дабы ясно показать – меня он не выпустит. – Всего сутки после почти смертельной раны, Лор! У тебя пару часов как кровь полностью остановилась!

– Ну и прекрасно, что остановилась, еще два дня, и буду совсем здоров, – отмахнулся я.

– Сесть в седло сейчас – безумие!

– Я не предлагал тебе обсудить степень моей вменяемости, а отдал приказ! Откажешься его выполнять?

– Приказ – не откажусь. Но я твой брат и имею право хотя бы на озвучивание причины твоей такой смертельно опасной дурости!

Рассказать тебе, брат, что я встретил свою истинную, но не узнал, не услышал зверя, прямо-таки забил на него, указывающего на очевидное, а потом и вовсе поимел ее в наш первый раз жестко, как бесчувственная скотина, унизил, заставил ощутить себя ничтожной, значащей для меня меньше, чем ничего, игрушкой, которой к тому же готов охотно поделиться с любым из вас? И это при том, что каждый из двуликих ждет встречи со своей парой как самое важное событие в своей судьбе, потому что для чего же мы еще появляемся на свет, кроме как пересечься однажды с тем, кто предназначен стать центром твоей

жизни. Ну нет, моя гордость не выдержит такого удара. Не собираюсь я становиться посмешищем для всех, а уж объектом мерзкой жалости – тем более. Просто догоним стражей до столицы, и... потом я решу, что мне делать с Летэ. Кто знает, может, мой дурной волк все же ошибся и никакая она не моя, и это выяснится при ближайшем рассмотрении. Не хочу я верить в то, что женщина способна так привлекать волка, но быть настолько не той, о какой мечтал я. Это несправедливо!

– Нет никакой причины, кроме того, что нам следует немедленно вернуться в строй, – соврал я и, держась за грудь, пошел прочь из комнаты, в которой с большой вероятностью нагадил сам себе сильнее некуда.

Скрипя зубами и матерясь на чем свет стоит, я умудрился взобраться на лошадь и сумел не заорать, когда пустил ту сразу в галоп, хоть в глазах потемнело и меня чуть не вывернуло от боли. Через некоторое время тело приспособилось, ощущения притупились, я даже начал почти ясно соображать и видеть перед собой. Прикинул, что если сможем поддерживать такой темп, сменив к вечеру коней, то имеем все шансы перехватить стражей и Летэ на подъезде к столице. Вот только, перехватив, что я буду с ней делать? Нарушу все правила и законы и отберу, если понадобится, то и отобью ее у своих же, и увезу? Да, это и не подлежит сомнению. Если, конечно, смогу окончательно убедиться, что она моя истинная. И хоть мне мысль об этом поперек горла до зубовного скрежета, но и до него же все отчетливее становилось понимание – так и есть. Нет, я не вспылал к девчонке внезапно бешеной любовью и восхищением, с чего бы? Однако рождения в сознании прежде не проживавшего там чувства нашей взаимной принадлежности отрицать не выходило. И стоило признать, что на свет оно появилось совсем не тогда, когда я поимел Летэ. Это не какая-нибудь дурость вроде «я у нее первый, и это чрезвычайно важная херь, накладывающая на меня некие обязательства или пробуждающая собственника и жадину в любом нормальном самце». Ничего подобного. Размазать по члену чью-то девственную кровь – тоже мне событие! Тут совсем иное. Гадкое чувство, будто тебя приковали к кому-то долбаной цепью, тянущей за самую душу, а тебе этот кто-то даже не нравится, но отказаться от него – все равно, что нутро себе вывернуть. Ничего приятного, и что-то счастья от обретения пары я не ощущаю, в благоговении от одной мысли о ней не содрогаюсь. Хотя... каждый раз, как перед глазами появлялась та самая, жестокая последняя картинка, где вмиг озверевшая Летэ торжествующе скалилась и показывала обгавленную моей кровью руку... Никакая слабость и рана не могли избавить меня от сурового стояка от этого воспоминания.

Что же, моя пара мне не нравится, я ее точно не люблю и не испытываю пока нежных чувств, но хочу до помутнения в мозгах и не готов отдавать никому. Вот только что мне делать с уже инициированной Зрящей с необузданной магами тьмой? Скрываться всю жизнь? Как вариант. В землях людей жить спокойно у нас не выйдет. Значит, увезу в край двуликих, туда одержимым ходу нет, а если за нами пошлют стражей выследить и вернуть, то ничего у магов не выйдет. На нашей территории действуют наши же законы, и мы можем сколько угодно цапаться друг с другом, но чужим своих не выдаем. Спрячу сначала в дебрях непроходимых, а сам вернусь в родные места, выгрызу себе место прима у ублюдка Крима и притащу Летэ в дом, где появился на свет сам. Будет зачинать и рожать моих детей в той же постели, в которой был зачат и рожден я. Если Крим от нее не избавился, естественно, тогда ему же хуже. Я ему покажу, в кого превратился один из щенков, чьих родителей он убил, а самих вышвырнул зимой в лес подыхать от мороза и голода.

– Лор, ты ничего не хочешь мне объяснить? – в который уже раз за время пути попытался вызнать хоть что-то у меня брат, равняясь на галопе и отвлекая меня от фантазий о будущем. Да уж, вот оно, Лордар. Ты нафантазировал себе уже целую жизнь в подробностях с той, кого еще упрямо не желаешь признать парой с полной однозначностью. Кого обманываешь? Вот зверь волчком крутится, скулит и присыкивает от этих планов. Он, сволочь, во всем уверен, ни тени сомнения.

До сих пор я Реоса полностью игнорировал. Думать – это одно, а тратить силы на то, чтобы разжать зубы и болтать, когда в груди у тебя торчит и ходит ходуном на любой кочке раскаленная кочерга – удовольствие иного рода. Да и нечего мне ему сказать. Не раньше, чем верну себе Летэ, чем, между прочим, поставлю крест еще и на его службе в Страже. И не раньше, чем найду способ как-то справиться с ее тьмой. Кстати, ходили же слухи о магах-преступниках. Что если найти такого и стребовать подчиняющий ошейник для девушки? И тогда пусть она меня и возненавидела после того, что было, но деться-то будет некуда – придется смириться, обожать, ублажать и слушаться меня. И ножами больше не тыкать в своего истинного. Было возбуждающе, но часто повторять такое мы не станем, милая.

Идея мне настолько понравилась, что я злорадно оскалился в ответ на очередную безуспешную попытку младшего вытянуть из меня объяснение. А лучше бы сказал. Все как есть. Сколько бы всего тогда не покатило в пекло. Потому как если твоя судьба – сука и стерва, у нее всегда есть способ усадить

тебя на задницу в твое же дерьмо, когда ты возомнил, что умнее и лучше всех и все-то у тебя налаживается.

Рядом раздался громкий хлесткий звук, заставляя вздрогнуть.

– Лор, берегись! – заорал Реос, указав куда-то вправо, но было уже слишком поздно.

Железный обод колеса у ехавшей нам навстречу тяжелой повозки лопнул, пугая запряженную в нее пару гнедых. Они панически шарахнулись, сломав, как спички, оглобли, и смели мою лошадь вместе со мной с дороги. Я грохнулся наземь, тут же ослепнув и оглохнув от боли. Кажется, на меня еще и наступили или что-то упало сверху, боль в груди вспыхнула – на том сознание и покинуло мой разум.

Глава 11

Меня на постели аж подкинуло от незнакомого прежде ощущения чужого горячего тела рядом. Никогда до этого не спал вместе с женщиной, ибо эти вещи: совместный сон, объятия, ленивое пробуждение, сопровождаемое сначала ненавязчивыми, а потом и горячими ласками – всегда в моем восприятии принадлежали исключительно моей паре, на чужих женщин я это растрачивать не был намерен, и с самой юности не изменял своему же правилу. Примитивный трах, сброс напряжения и агрессии нельзя валить в одну кучу с неким таинством близости, что рисовалась в моем воображении с той самой.

Но, осмотревшись и вспомнив все, я понял, что женщина рядом как раз нужная и все в порядке, как бы там между нами ни было, и ощущение глубинного, общего со зверем удовлетворения и умиротворения, возникшее перед сном, вернулось, невзирая на ничуть не утихший телесный голод. Летэ на мое суматошное пробуждение никак не среагировала, не шевельнулась, и только ровное дыхание выдавало, что эта бледная немочь с разлитым по всему боку громадным синяком вообще жива. Одна моя пятерня запуталась в разметавшихся по подушке волосах, и я осторожно поднял ее, ловя прядью косой солнечный луч, проникший в спальню, и снова с удивлением отметил, что сквозь появившуюся после инициации черноту стала проявляться та изначальная медная краснота. Что бы

это значило?

Где-то в доме что-то звякнуло, мой зверь тревожно вскинулся, озабоченный теперь задачей номер один – защитой своего самого ценного достояния, и я, нахмурившись, вскочил с ложа, небрежно накинув на тело пары одеяло, и, торопливо одевшись, пошел на звук, не забыв прихватить еще и свои же штаны, которые носила Летэ. Розана обернулась, едва вошел в кухню – ее слух двуликой не обмануть, как бы тихо я ни шел.

– Здравствуй, прим Лордар, – она почтительно, как и положено, наклонила голову, но что-то совсем не покорность я уловил в голосе, да и сверкала она на меня глазами исподлобья почти злобно.

– Я не звал тебя, – буркнул и потянул носом вкусные запахи, – но хорошо, что пришла, еда нам понадобится.

– Нам, – она не спрашивала – подтверждала, и губы ее сжались, становясь белыми полосками. – Ты привел в свой дом и в свою постель какую-то... чужачку.

С трудом сдержал порыв оскалиться и рявкнуть.

– Я привел того, кого счел нужным. Что за тон?

– Ты больше пяти лет призывал меня сюда гораздо чаще, чем любую другую женщину стаи.

– И? Меня устраивало, как ты готовишь и содержишь все в порядке, – объяснил я очевидное.

– На этом все? Ты никогда не собирался позвать меня в свою постель? Предложить что-то кроме роли твоей прислуги?

– Ты не забываешься ли? – Моя верхняя губа задралась сама собой, и внутри завибрировала сила прима, мгновенно вынуждая Розану согнуться. – Ухаживать за домом прима и готовить ему пищу – обязанность женщин стаи. Почетная обязанность.

– Я надеялась на большее! – всхлипнула она, и меня прямо перекосило. Терпеть не могу бабское нытье и претензии, тем более мною совершенно не заслуженные.

– Разве твои надежды – это мои обещания?

– Нет, прим Лордар, – сникла она еще больше.

– Так какой в них смысл? Если бы я хотел тебя, то разве не позвал бы делить ложе уже давно? Или я вообще хоть когда-то брал к себе женщин стаи?

– Нет, прим Лордар. – Вот заладила.

– Ну так что теперь за сопли тут? – В раздражении я отпихнул с дороги стул, а Розана рванула с кухни, будто я собирался наброситься на нее.

– Больше не повторится, – буркнула она, сбегая.

– Стоять! – рыкнул ей в спину. – Мне нужно несколько комплектов женской одежды, размером чуть поменьше твоего.

Пока пусть Летэ походит так, а потом съезжу в город и накуплю ей всего, от белья и до обуви. От предвкушения того, как буду перебирать лично каждую вещицу на рынке, оценивая, достойна ли она касаться кожи моей женщины, даже настроение чуть улучшилось.

– Ты привел эту... голую? – огрызнулась двулика, снова раздражая.

– А хоть бы и так? – надавил голосом я, и она снова присмирела. – И привыкайте сразу держать себя с моей парой уважительно.

– Парой? – не сказала, а едва выдохнула Розана, и плечи ее окончательно поникли.

– Да, парой. Ибо место в моей постели всегда было и будет предназначено ей, как и в твоей для того, кто твоя судьба. И о встрече со своим истинным тебе стоило бы мечтать, а не о том, как оказаться подо мной.

– Но все знают, что у тебя были женщины и много, для встреч с ними ты и ездешь постоянно с бейлифами к границе! – сжав кулаки, зыркнула девушка на меня мокрыми глазами.

– Не женщины, а шлюхи, проститутки, за услуги которых я платил. И это не называется встречаться, а просто спустить в доступную дырку. Этого ты хотела от меня?

– Нет, – вжала она голову в плечи. Дошло до дуры.

– Тогда свободна. И не забудь: мне нужна одежда и еще еда. Хорошая, сытная, но легкая.

Дверь хлопнула так, что стены и стекла дрогнули, вызывая желание догнать и надавать по заднице этой психованной засранке, но мое внимание тут же переключилось, когда уловил приближение тихих шагов по коридору и волну вожделенного аромата.

– Смотрю, я не единственная особа женского пола, кому щедрее некуда достаются твои грубость и хамство, – очень хриплым и слабым голосом заметила появившаяся в дверном проеме Летэ, одетая лишь в одну мою рубашку, сползающую с одного ее плеча.

Выглядела она далеко не отдохнувшей и посвежевшей, но все же заметно лучше, чем вчера. «Зачем ты так рано встала?», «Как ты?», «Давай просто перестанем цапаться с этого момента и навсегда. В бездну прошлое», – все эти фразы пронеслись яркими всполохами в моем разуме и так и не нашли дороги наружу, разбившись о ее холодный насмешливый взгляд.

– Переживаешь, что ни в чем для меня не исключительна? – ухмыльнувшись, произнес вслух. – Напрасно. Именно тебе с этого момента принадлежат уникальные права на удовлетворение моих сексуальных appetитов.

– Я бы с огромным удовольствием передала их кому угодно, – отмахнулась она, шаря глазами по кухне. Пить, наверняка она должна ужасно хотеть пить.

– Эти права, Пушистик, пожизненные и без права передачи. – Я налил узвара из принесенного Розаной кувшина и протянул ей стакан. Когда она без гримас и гордых поз буквально схватила его и осушила в несколько глотков, совсем не эстетично и явно не переживая, как это выглядит со стороны, мне отчего-то опять захотелось оскалиться. Но на этот раз довольно.

– Очень справедливый у вас подход к личной жизни, – продолжила моя пара уже бодрее и вернула мне стакан, кивком попросив добавки. – Мужики, значит, мотаются с продажными девками развлекаться, чтобы не прокисло нигде в ожидании своей единственной и неповторимой, а женщины должны в одиночестве куковать, пока не явится и не осчастливит их собой распрекрасным такой вот изрядно поистаскавшийся истинный.

– Радеешь за права обиженных и телесной любовью обделенных женщин двуликих, дорогая? Зря, – уколол я. – Нет у нас никаких запретов или обычаев, запрещающих хоть женщинам, хоть мужчинам спать с кем угодно до встречи со своим истинным. Вот только делать это в своей же стае – поселении, где возможно предстоит потом жить с настоящим спутником своей жизни, по меньшей мере неумно, а по большей – небезопасно. Мы, знаешь ли, те еще собственники и ревнивцы, да и улаживание любой напряженности миром тоже не наша сильная черта. Столкнуться лицом к лицу с бывшими своей пары – это верный способ испоганить день, ну а если это происходит все время... Постоянная грызня и в стае, и в семьях обеспечена.

– То есть никакой романтики, исключительно практичный подход, – заметила она, продолжая озираться.

– И как тебе мой дом? – вырвалось то, чего от себя не ожидал.

Эх, Летэ, это всегда должен был быть наш дом, с самого начала. Стало вдруг и тоскливо как-то, и радостно одновременно, и до тянущей боли в груди необходимо, чтобы ей тут понравилось, ведь это мое родовое гнездо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/cherediy_galina/nenavistnaya-para

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)